

авантюжная
мелодрама

АНТОН ДЕОНТЬЕВ

ОБРАТНАЯ
СТОРОНА СМЕРТИ

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН. НЕИЗВЕСТНО, КАКОЙ ФИНАЛ ОЖИДАЕТ ЕГО ГЛАВНОГО ГЕРОЯ...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Обратная сторона смерти

«ЭКСМО»

2013

Леонтьев А. В.

Обратная сторона смерти / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2013

Популярная писательница Татьяна Журавская после долгого перерыва вернулась к творчеству и как раз заканчивала свой лучший, как ей казалось, роман, когда ее жизнь вдруг полетела в тартарары. Сначала муж объявил, что уходит к другой женщине, – чтобы пережить это, Татьяне пришлось отправиться на лечение в австрийскую клинику. А после ее возвращения случилось нечто по-настоящему ужасное: Журавская встретила в реальности... героя своего нового романа, маньяка Марка Шатылло! Точнее, конечно, того, кто решил примерить на себя его личину. Незнакомец предложил писательнице чудовищную игру: она должна прочитать написанную им детективную повесть без финала и вычислить убийцу. Если Татьяна ошибется, погибнет невинная жертва...

© Леонтьев А. В., 2013

© Эксмо, 2013

Антон Леонтьев

Обратная сторона смерти

© Леонтьев А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Книга – это топор, способный разрубить замерзшее море внутри нас.

Франц Кафка

С самого начала Татьяна не могла отделаться от мысли, что за ней следят.

Нет, она не видела подозрительного человека, который бы постоянно следовал за ней. Однако на душе было беспокойно, словно... Словно таинственная московская история получила продолжение. *И тот, кто преследовал ее в России, добрался и до Австрии.*

Почти месяц она провела на дивном альпийском курорте. У подножия гор, на очаровательном лугу, который плавно переходил в ущелье, где шумел водопад, располагался небольшой и ужасно дорогой отель. *Точнее, частная клиника.*

Недалеко отсюда – в отеле, а не в клинике – она уже была несколько лет назад. Тогда еще вместе с Игорем.

Игорь... Ее муж... Человек, которого она любила больше всего... И который тоже любил ее – во всяком случае, до недавнего времени... А потом что-то разладилось. Быть может, вина в том она. Вернее, тот факт, что Татьяна – одна из самых высокооплачиваемых российских популярных писательниц, автор детективов, в итоге привел к краху их отношения: мужчина не смог вынести, что супруга не только зарабатывает гораздо больше его, но и постоянно появляется на экране телевизора, на обложках журналов.

Однако разве это давало Игорю право завести роман на стороне? Нет, конечно же, не давало! Татьяна помнила, какой шок случился у нее, когда ей стало известно то, о чем все остальные, наверное, знали уже давным-давно, – что муж ей неверен.

Тогда, в сентябре, она как раз заканчивала новую книгу – роман, в который вложила столько сил и энергии, роман, который стоил ей столько страданий, роман, который она по праву считала наиболее удачным. Финал был уже обозрим – необычный, шокирующий, все затмевающий финал. Татьяна придерживалась мнения, что главным в литературном произведении является именно развязка, что оригинальная концовка может спасти даже провальный опус.

Эта книга обещала стать ее лучшей – в этом она не сомневалась. Когда-то, на заре своей карьеры, Татьяна писала по два, иногда по три романа в год. Сейчас же, находясь на олимпе российской детективной прозы, могла себе позволить выпускать по одному в год. Или даже в два. Дело было теперь не в деньгах, не в славе – и того, и другого у нее, писательницы Татьяны Журавской, было предостаточно.

Она заключила с собой своего рода пакт: к концу года, в ноябре или декабре, сдавала в издательство свой очередной шедевр. Создавала его Татьяна неторопливо и обстоятельно, тщательно обдумывая сюжет и зачастую прерывая работу на несколько дней, а то и недель – все же у нее имелись и иные, кроме писательских, обязанности.

Но с этим романом все было иначе.

Нет, дело даже не в том, что на нее внезапно снизошло вдохновение. Татьяна, занимавшаяся написанием детективов около двух десятков лет, с большой осторожностью относилась к этому самому вдохновению. Оно важно на самом начальном этапе – при разработке сюжета. А пожалуй, еще при создании основной канвы повествования. Хотя нет – тогда, когда ее озарила сцена или идея, которая должна стать стержнем всего произведения. Впрочем, зачастую сцена потом оказывалась второстепенной, но, развивая ее, тем не менее можно было выйти на проторенную тропинку, что вела к сердцевине романа.

А в редких случаях это была и не сцена, и не идея, а *чувство*, зарождавшееся где-то в недрах ее подсознания. Вернее, даже не чувство, а аура. Вот именно, аура романа. *Его душа.*

Эта аура возникала словно ниоткуда, и Татьяна вдруг понимала, какое чувство будет превалирующим в ее новом произведении. И как свести воедино все те разрозненные моменты и задумки, которые к тому времени были занесены в ее записную книжку.

Аура была подобна физической величине, некоей таинственной черной энергии, той, которая якобы удерживает Вселенную в равновесии, являясь ее незримым и пока что недоступным ученым каркасом всего сущего. Так и внезапно хлынувшее ей в душу чувство пронзало ее существо, а затем пропитывало сюжет всего романа. И было ключевым для развязки, на которой зиждилось все произведение...

Отыскать, вырвать из действительности или из фантазии это самое чувство, которое плавно перетекало в определенную сцену, ложившуюся в основу книги, было наиболее сложным. За подобный молниеносный проблеск вдохновения, позволяющий на секунду увидеть еще не написанный роман в готовом виде, со всеми извилинами сюжета, с тайными ходами интриг и проспектами основных линий, как, наверное, архитектор план будущего города, Татьяна была готова отдать все что угодно.

Все что угодно...

Но в последние годы вдохновение посещало ее все реже и реже, поэтому приходилось мучительно долго, до головной боли, в течение многих недель, а то и месяцев заниматься пустой компоновкой деталей сюжета в надежде, что вдруг раздастся щелчок, последняя деталь пазла встанет на свое место, и станет вдруг ясно, какой роман ей предстоит написать.

В погоне за вдохновением, которое помогло бы ей увидеть ауру романа, Татьяна начала прибегать к вспомогательным средствам. То, что, возможно, она потребляла алкоголя больше, чем следовало, было известно только ей самой. И Игорю. А вот о том, что около полугода назад попробовала маленькие розовые таблетки, которые сулили небывалый взлет творческой мысли, муж не знал: таблетки она купила во время их последнего совместного отпуска, проведенного в Юго-Восточной Азии. Таблетки были исключительно на травяной основе, совершенно безвредные – но крайне эффективные.

То ли дело было во вдохновении, реальном или подстегнутом гомеопатическими средствами, то ли в желании Татьяны заглушить голоса критиков, утверждавших, что ее последние произведения, издававшиеся, как и все прежние книги, немислимыми тиражами и практически сразу же экранизированные, значительно слабее ее первых литературных творений.

А тут еще поползли робкие, глухие слухи, будто Журавская прибегает к услугам «литературных негров»! Ничего более смехотворного и оскорбительного Татьяна и представить себе не могла. По совету Игоря писательница не обращала внимания на подобные сплетни и никогда их не комментировала. Как не комментировала и качество своих произведений. Ведь она была – Татьяна Журавская!

Однако иногда ей в голову закрадывалась мысль, что критики все же правы. Нет, не по поводу «литературных негров».

А в отношении силы ее книг.

С точки зрения техники и композиции Татьяне не было равных. Роман для нее – своего рода шахматная партия, где каждый ход просчитан, каждая сцена имеет особое значение, каждый диалог не случаен.

Дело в... Да, в чем же все-таки дело? Вероятно, в пресловутой ауре романа. В его душе.

В наличии у литературного произведения собственной души Татьяна не сомневалась. Как и в том, что у каждого романа свои законы и своя вселенная. Та самая, сдерживаемая неведомой черной энергией ее фантазии.

И она знала, что аура ее последних романов была... не такая, как у первых. Что сочинительство, прежде доставлявшее ей удовольствие, превратилось в рутинное занятие. Что собственная передача на телевидении и на радио отнимает у нее слишком много сил. Как, впрочем, и постоянные выступления в разного рода ток-шоу, участие в выставках, вернисажах, приемах.

Ей было известно, что у нее имидж холодной и отстраненной особы, и писательница Журавская тщательно его пестовала. Однако в то же время понимала, что читатель жаждет общения с любимым автором, пусть даже тема будет не литературная, а кулинарная или юридическая. Благо по образованию Татьяна являлась юристом и когда-то работала в милиции, а ее хобби было приготовление разнообразных кулинарных изысков.

Естественно, о том, что она в принципе согласна с критиками, Татьяна никому не говорила. Разве что только Игорю. Потому что тот стал чрезвычайно важным элементом ее творческого процесса. Более того – главным партнером в создании очередного детектива. Именно муж первым читал начальную версию нового произведения, давал важные советы, указывал на несоответствия и ошибки. Татьяна знала: без него она как без рук. Ведь одно дело написать роман, а другое – довести его до ума. И в последнем Игорю не было равных.

А потом все переменилось.

Восстанавливая события тех недель, Татьяна пришла к неприятному выводу, что все то, что она впитала, все те знаки и намеки, что окружали ее, указывая на измену Игоря, легли в основу нового романа, вошли в его ауру.

Обычно она работала с утра – Журавская являлась типичным «жаворонком». Однако на сей раз все было иначе, писательница сидела за компьютером ночи напролет, создавая новый роман. И, что самое отрадное, в течение этой чрезвычайно напряженной фазы не притрагивалась к алкоголю. Только изредка к таблеткам. И искренне считала, что розовая гомеопатия станет ей просто не нужна.

Книга уже была готова. По крайней мере в ее воображении. Как будто некто неведомый и могущественный вложил ей в голову текст, и оставалось только механически стучать по клавиатуре, извлекая уже созданный кем-то роман из недр своей памяти.

Да, роман был практически готов, она написала его в течение пяти недель. Не хватало только одной или двух глав, самых важных, финальных, тех самых, в которых бы читателю презентовалась шокирующая и неожиданная развязка.

Развязка и наступила.

Но не в романе, а в ее собственной жизни. Точнее, в отношениях с Игорем.

Татьяна отлично помнила тот сентябрьский вечер, на удивление теплый, совсем летний. Она находилась у себя в кабинете. Хотя нет, в действительности писательница была погружена в действие, что разворачивалось на электронных страницах ее новой книги. Шла сцена – тяжелая, насыщенная, драматическая. Сцена, которая должна была завершиться кровавой трагедией – убийством...

В этот момент раздался тихий кашель. Татьяна, нависшая над столом, вздрогнула. На мгновение ей показалось, будто убийца, тот самый хитрый и безжалостный маньяк, намеревавшийся лишить жизни очередную жертву, со страниц романа вдруг проскользнул сквозь призрачную дверь в действительность. Что этот палач-садист, на губах которого играет кри-

воватая ухмылка, зажав скальпель, неожиданно материализовался в тиши ее кабинета, желая только одного: прикончить свою создательницу.

Татьяна явственно ощутила, как страх вполз в ее сердце, как то учащенно забилось, а ладони в секунду сделались предательски влажными. Она резко развернулась – кресло еле слышно скрипнуло.

Кабинет тонул во мраке, ведь единственный источник света, мощная лампа, находился на столе. Татьяна заметила мужскую фигуру, замершую посреди комнаты. И с суеверным ужасом поняла: так и есть, тот, кто являлся плодом ее воображения, беспощадный маньяк, которого она силой своей фантазии заставляла творить на улицах Москвы кошмарные вещи, шагнул из мира воображаемого в мир реальный.

Да, это был он – сутулая фигура, плащ с поднятым воротником, в одной руке нож, а в другой молоток...

Чувствуя, что сердце ее или разорвется, или внезапно остановится, Татьяна что-то сдавленно прошептала, приподнимаясь с кресла. Она ведь в квартире одна! Игорь где-то на переговорах с партнерами по бизнесу. Хотя говорил ли муж правду, объясняя причину своего ночного отсутствия? А ее секретарша и помощница Аллочка давно уже отправилась восвояси. Да-да, в огромном двухуровневом квадрате, обставленном ею с таким чаянием, с такой любовью, она совершенно одна. Квартира, бывшая ее пристанищем, ее крепостью, внезапно превратилась в ловушку!

Татьяна смотрела на героя своего романа, на московского Ганнибала Лектора, на исчадие ада, которое праздновало кровавый пир на страницах ее нового романа. Этот мерзкий, не ведающий жалости субъект стоял сейчас напротив нее – и к ней, своей создательнице, он явился далеко не с добрыми намерениями.

Неужели граница между фантазией и реальностью вдруг стерлась? Или, не исключено, никогда и не существовала? Или, что еще хуже, то, что мы считаем реальностью, на самом деле не более чем чья-то выдумка? И вся жизнь, наша жизнь, такая вроде бы подлинная, такая яркая и сочная, – всего лишь чей-то бездарный роман или, не исключено, всего лишь сумбурный комментарий к нему?

Эти мысли пронзили мозг писательницы. Она, прижав одну руку к груди, словно стараясь унять грозившее выпрыгнуть оттуда сердце, другой шарила по столу, стоя лицом к лицу с грозным незванным гостем.

Ей требовалось оружие, нечто, чем она могла бы защитить свою жизнь...

И тут неожиданно вспомнилось, что точно так же размышляла героиня в сцене, над которой Татьяна работала до появления маньяка. Героиня надеялась, что сможет спастись, найти выход... Сцена не была еще дописана, однако автор знала, что несчастной предстоит умереть. Такова была драматургическая необходимость, такова была ее воля как создательницы вселенной нового романа.

Кстати, героиня точно так же шарила по столу, думая, что рука наткнется на некое подобие оружия. Неужели и она сама тоже должна умереть?

Стоп! Разве писательница не в состоянии повлиять на сюжет собственного романа? Ведь можно изменить ход повествования – и спасти несчастную! Сделать так, чтобы та осталась в живых!

Но как ей удастся избежать смерти? Придуманной детективщицей Журавской маньяк не отступал от своих правил и всегда доводил задуманное до конца. Хотя, может статься, что-то его спугнет, например, телефонный звонок... Или что героиня найдет на столе оружие.... Конечно, не пистолет, не кинжал, а, скажем, ножницы...

Внезапно пальцы Татьяны, шарившие по столу, наткнулись на что-то продолговатое, металлическое, прохладное. И она поняла – это и есть ножницы. Солидный стальной портняжный инструмент, который иногда использовался в качестве груза, чтобы ветер, влетающий

в открытое окно, не сдувал листы со стола. Только вот как он оказался сейчас здесь? Около трех часов назад, когда Татьяна включила компьютер, чтобы продолжить работу над новым романом, на столешнице не было никаких ножниц. Писательница вообще не терпела, чтобы во время творческого процесса в поле ее зрения имелось что-то, отвлекавшее внимание. Поэтому на ее рабочем месте лежали лишь записная книжка в черном переплете, листок с заметками касательно последних сцен, флешка, на которую переносилась последняя версия написанного, а также острозаточенный карандаш. Никаких ножниц и в помине быть не должно! Она обычно держала их в ящике стола...

Но факт оставался фактом – в данный момент под рукой у нее оказались именно ножницы.

Татьяна подтянула их к себе, понимая, что это единственное ее оружие в борьбе с убийцей, неожиданно ставшим реальным. И вдруг по кабинету разнесся телефонный звонок.

«Точно так же, как в моем воображении», – подумала Татьяна. Телефонная трель, как она теперь знала, и спасет жизнь героини.

Между прочим, звонок был ужасно знакомый. Это ведь сигнал мобильного, который принадлежит...

И вдруг все предстало в ином свете.

Татьяне стало ясно, что рука ее нащупала не лезвие ножниц, а дужку собственных очков. И как только она могла принять одно за другое? Оставалось единственное объяснение – такова сила воображения.

Писательница надела очки и наконец сообразила, что в нескольких метрах от письменного стола находится вовсе не кровожадный и беспощадный маньяк, *которого в природе не существовало. Маньяк был детищем ее фантазии, обитавшим исключительно во вселенной еще не дописанного ею романа.* Нет, она все спутала! Перед ней стоял ее муж. И теперь, с очками на носу, Татьяна прекрасно это видела.

Игорь действительно был одет в легкий плащ с поднятым воротником. И действительно немного сутулился. Но в руках он держал вовсе не нож и молоток, а штопор и бутылку. А она по причине близорукости приняла их за инструменты убийства. *Убийства, жертвой которого надлежало стать ей самой!*

Мобильный, который издавал знакомые Татьяне звуки, принадлежал не кому иному, как ее супругу. Наваждение как рукой сняло, и Татьяна несколько иронично спросила:

– А принимать звонок ты не намерен?

Игорь выпрямился и произнес:

– Таня, извини, что напугал тебя...

– С чего ты взял, что напугал меня? – спросила писательница, внимательно наблюдая за мужем.

Тот вздохнул, подошел к столу, поставил на него бутылку и положил рядом штопор.

Его мобильный продолжал разрываться. Татьяна знала, что муж помечал каждого из звонивших определенной мелодией. И песенку Герцога из «Риголетто» ей в последнее время приходилось слышать довольно часто.

– Так разве ты не хочешь взять трубку? – поинтересовалась Татьяна снова.

Игорь, мотнув головой, вытащил наконец из кармана плаща мобильный и взглянул на дисплей. При этом на его лице появилась усмешка.

Странная, хитрая усмешка, отметила про себя Татьяна. И вдруг в ужасе сообразила: *эта усмешка, которую в своем новом романе она подарила маньяку, подсмотрена ею у собственного мужа!*

Подумав, Игорь принял звонок и произнес, не называя имени:

– Да, я дома. Однако мне предстоит сейчас важный разговор. Перезвоню, когда все завершится...

Тон у мужа был необычный – нежный, но в то же время требовательный. Татьяна не слышала голоса его собеседника, но не сомневалась, что на связи находится женщина.

– Кто это был? – спросила она после того, как Игорь завершил разговор.

Муж опустил мобильный в карман плаща и, не отвечая на вопрос, заметил:

– Кстати, сегодня было настоящее лето. Днем, во всяком случае. Но под вечер уже заметно похолодало...

Он снял плащ, кинул его на стоявшее подле кресло. Татьяна взглянула на супруга – одет тот был, как всегда, безукоризненно: антрацитовый костюм, лимонный в черную полоску галстук. Игорь был на фирме? Но ведь сегодня воскресенье! Татьяна попыталась вспомнить, что ей сказал муж, когда утром покидал квартиру. И сообразила – он ведь не ночевал дома! Так и есть, был в деловой поездке. Очередной...

– И что же за важный разговор предстоит нам? – спросила Татьяна.

Муж, взяв штопор, стал открывать бутылку. Он снова не спешил отвечать на ее вопрос. Татьяна наблюдала за ним, чувствуя, что ей делается страшно. И вдруг ощутила себя героиней романа, которая сейчас услышит весть, способную изменить всю ее жизнь.

– Белое вино, твое любимое, – сказал, извлекая пробку из бутылки, Игорь. – Итальянское, сухое. Тебе ведь налить?

Татьяна сурово посмотрела на мужа и отчеканила:

– Нет, благодарю, мне не надо!

Игорь поморщился:

– Ах, Танюша, извини... Я идиот, суший идиот. Тебе же нельзя...

Ей нельзя... Ясно, супруг намекает на то, что она и так чересчур увлекается белым вином. Однако Татьяна дала себе зарок, что «увлечение» останется в прошлом. И в течение пяти недель не приняла ни капли алкоголя. Розовые пилюли ей почти тоже не требовались.

Того, что у нее развилась зависимость от алкоголя, никто не знал. За исключением Игоря. И, вероятно, Аллочки, секретарши. Поэтому на приемах ее сопровождал или кто-то из них, или оба вместе. Чтобы следить за тем, дабы популярная детективщица Татьяна Журавская, королева саспенса и кровавой интриги, не попала впросак, перебрав с дармовым алкоголем. Слава богу, хоть о ней и ходили разнообразные слухи, никто, даже самые мерзкие журналюги, и помыслить не могли, что она борется с зависимостью от алкоголя.

Ну и конечно, в курсе психотерапевт, который помогал ей в этом. Однако Лев Николаевич – врач-душевед являлся тезкой Толстого – никогда бы не проговорился, ведь писательница его пациентка, и все детали ее болезни медицинская тайна.

– Да, мне нельзя! – подтвердила Татьяна. А Игорь оглянулся, увидел на соседнем, маленьком, столике бокал, взял его и налил в него из бутылки немного вина. Попробовав, причмокнул губами и произнес:

– Что за вкус! Просто невероятно! За такое многие полжизни отдадут!

Татьяна удивилась. Похоже, муж намеренно провоцирует ее, добиваясь, чтобы она выпила вместе с ним. *Но зачем?* Ведь еще недавно желал одного – чтобы супруга полностью вылечилась от зависимости. А теперь желает ее спойть!

В сущности, Татьяна мало что знала о своем муже, хоть в браке с ним без малого двенадцать лет. Родители Игоря – отец военный, мать медик – погибли, когда он был еще ребенком: произошел какой-то страшный несчастный случай. Ни братьев, ни сестер у него не имелось, даже двоюродных. И, по словам мужа, ни родичей, никаких других близких, ни дальних тоже. Странно, у любого человека есть родственники...

– Некоторые отдадут и целую жизнь, – промолвила Татьяна и вдруг ощутила холод. И только потом поняла, что холод шел вовсе не снаружи, а изнутри: ее сердце словно ледяными пальцами сжали.

– Ты права, Таня, – кивнул Игорь и, поставив на стол бокал, посмотрел на жену. И снова на губах его появилась эта таинственная циничная ухмылка...

– Вообще-то я сейчас пишу! – заявила Журавская.

Ее слова означали одно: когда детективщица уходила в кабинет, никто – ни муж, ни секретарша – не имел права тревожить ее, нарушая творческий процесс. И Игорь отлично это знал, неукоснительно придерживаясь правила в течение двенадцати лет их совместной жизни. Вплоть до сегодняшнего сентябрьского воскресенья.

– Я знаю! – с легким вызовом откликнулся муж. – Кстати, как роман, продвигается?

– Если бы ты не помешал мне, то, вероятно, я бы уже его закончила, – нетерпеливо дернула плечом писательница.

Игорь снова усмехнулся:

– Ну да, ведь, как ты постоянно твердишь в интервью, финал – самое важное в произведении. Не хотел тебе мешать, честно! Однако ты и потом дописать сумеешь. Кстати, Танечка, отчего ты изменила своим привычкам и стала писать ночью? Раньше всегда работала с утра.

Журавская в который раз посмотрела на бутылку.

– Лучше скажи, почему ты изменил своим привычкам и не позвонил мне из аэропорта?

Игорь взял бокал и залпом осушил его.

– Отчего же, Танечка, совсем даже не изменил. Дело в том, что я вовсе и не уезжал из Москвы...

Татьяна посмотрела на него, поежилась, чувствуя, что ей становится все холоднее и холоднее, и тихо произнесла:

– Но ты же сказал, что летишь за границу... На подписание договора или что-то в этом роде...

Игорь кивнул и сделал шаг по направлению к жене. Татьяна же, сама не зная отчего, вдруг отошла в сторону. Как будто...

Как будто боялась мужа. Как будто от него исходила угроза. Как будто...

Как будто тот и вправду был безжалостным, кровавым маньяком, готовым буквально на все!

От Игоря не ускользнуло инстинктивное движение жены. Опять поморщившись, он вздохнул:

– Танюша, финалы ведь бывают у всех романов. Не только у литературных, но и у других...

– Каких других? – перебила осипшим голосом Татьяна, чувствуя внезапно нахлынувшее желание схватить бутылку, стоявшую на столе, и наполнить себе бокал до краев.

– Ну, у других романов – между мужчиной и женщиной. Они тоже рано или поздно подходят к логическому завершению. Причем эти романы заканчиваются отнюдь не так красиво, как в твоих романах, извини за тавтологию.

Воцарилось молчание. Татьяна глухо произнесла:

– Красиво романы в моих романах еще никогда не заканчивались. Ты с кем-то меня путаешь.

Супруг улыбнулся и кивнул:

– Да, ты права. У тебя чаще или нож в спину, или пуля в лоб, или цианид в чашке чая. Я ведь не писатель, не могу подобрать нужную метафору. Но ты и так меня поняла, Танюша...

Это было то, чего она боялась – и чего подспудно ждала. Татьяна не была душой, видела, что отношение к ней мужа в последнее время переменилось. Однако она считала, что изменения связаны с ее... *проблемами*. С тем, что она перебарщивает с алкоголем и стимулирующими творческий потенциал таблетками.

Все это было только вершиной айсберга.

Ее последний роман вышел два с половиной года назад. Сначала издательство терпеливо ждало, потом стало осторожно осведомляться, когда будет сдана следующая книга, а под конец имел место откровенный разговор с генеральным директором издательского холдинга. И тот поставил ультиматум: или Татьяна до конца года сдаст новый роман, причем на уровне первых своих опусов, или...

О том, что было сказано во время этого разговора, в котором принимал участие также и Игорь, Татьяна вспоминать не хотела. Встреча состоялась в феврале. То есть у нее был почти год, чтобы написать очередную книгу. Раньше это не стало бы для нее проблемой.

Раньше...

Раньше все было иначе. Ее старые романы регулярно переиздавали, меняя обложки, большими тиражами. Однако постоянно жить за счет уже известных произведений невозможно. *Требовался новый роман.*

Некоторое время Журавской удавалось оттягивать сдачу свеженького шедевра, объясняя это работой над сценарием для экранизации своих прежних книг. Но сценарии писала все же не она сама, над ними трудились прыткие телевизионщики. Татьяна же только принимала участие в качестве эксперта, давая советы, исправляя несуразицы и выправляя огрехи.

Потом с триумфом прошла премьера спектакля в одном концептуальном столичном театре. Правда, пьеса с детективным сюжетом была написана ею еще в середине девяностых. И даже опубликована в каком-то давно разорившемся мелком издательстве, причем еще в те времена, когда детективщица Журавская только-только начинала восхождение к славе. Поэтому она смогла переработать пьесу, удалив анахронизмы, перенесла действие в наши дни и выдал сей опус за свое новое творение. Какой-то критик все же докопался до того, что пьесе без малого двадцать лет, но на фоне прочих, восторженных, рецензий его интернет-пасквиля никто не заметил – позаботилась пресс-служба издательства.

А помимо этого собственные передачи на радио и телевидении, интервью, приемы, репортажи... Простому обывателю и в голову не приходило, что у Журавской творческий кризис, что она не в состоянии ничего написать.

Но одно дело – читатели, а другое – издатели и собственный муж. Они-то были в курсе, что Татьяна ничего не пишет и что рано или поздно все поймут: у нее писательская блокада. Журналисты тотчас придут к единодушному выводу – детективщица *исписалась*. Единственная возможность прервать затянувшуюся паузу – это представить на суд публики новый роман.

А создать его Татьяна была решительно не в состоянии. Некоторое время она, запираясь в кабинете, делала вид, что работает, но в действительности вымучивала полстраницы, которые потом безжалостно удаляла из памяти компьютера.

Сначала это ее пугало, потом писательница смирилась с неудачами. Однако всем требовался очередной шедевр. Не только ей самой, не только поклонникам ее творчества, не только издательскому холдингу...

В первую очередь Игорю. Он был самым главным ее читателем. Вернее даже – единственным, для которого она и писала. Татьяна знала: жена-алкоголичка, жена-наркоманка и, что хуже всего, жена бывшая писательница ему не нужна.

Муж увещевал, просил, умолял. Настаивал, требовал, угрожал.

Татьяна сама не понимала, что с ней произошло. Неужели способность творить улетучилась? Неужто источник вдохновения иссяк? Не может быть, чтобы цветы ее двадцатилетнего творчества вдруг завяли!

Тогда муж предложил ей прибегнуть к помощи «литературных негров». Намекнул на то, что терпение издательства безгранично. И что имеется масса примеров, когда даже звезды на литературном небосводе сгорали, превращаясь в «белых карликов». Тянуть с появлением нового романа нельзя, говорил Игорь, ибо уже пошла волна слухов. Надо срочно презентовать

очередной опус, ибо, если этого не произойдет, издательство расторгнет эксклюзивный и чрезвычайно выгодный договор...

Это была первая значительная ссора за двенадцать лет их совместной жизни. Ссора, завершившаяся звонкой оплеухой, которую Татьяна закатила мужу. На что Игорь отреагировал лаконичным, но таким обидным: «Дура!»

Однако Журавская наотрез отмела возможность того, чтобы кто-то писал под ее именем. Даже если бы речь шла о каркасе романа, который она потом заполнила текстом в свойственном ей неподражаемом стиле.

Игоря возражения жены не убедили. Муж заявил, что если Татьяна не согласится, то им стоит подумать о разводе. И она сдалась, заявив тем не менее, что ни о какой писанине чужих людей под ее именем и речи быть не может. А вот помощь готова принять...

И тогда – собственно, почти против ее воли – Игорь записал жену на прием ко Льву Николаевичу, известному врачу, специализацией которого было лечение представителей столичной богемы. Психотерапевт, утверждавший, что является потомком внебрачного отпрыска создателя «Войны и мира» и «Анны Карениной», носил, как и его предполагаемый пращур, окладистую бороду, а дополнительно к ней – седую косичку. Душевед был чрезвычайно проникновен и неболтлив. И, по всей видимости, знал-таки толк во врачевании внутреннего мира подопечных, потому что уже после четвертого сеанса Татьяна стала разрабатывать сюжет нового романа. А после шестого начала его писать.

В сентябре у Льва Николаевича был отпуск, однако он посоветовал Татьяне посетить австрийскую клинику. Психотерапевт уверял, что процедуры окажут закрепляющее действие и в Москву писательница вернется другим человеком.

Татьяне и самой хотелось покинуть Москву – после того, что сказал в тот вечер Игорь, ей трудно было оставаться с ним под одной крышей...

– Что ты хочешь сказать? – произнесла Татьяна, обращаясь к мужу. – Не ходи вокруг да около!

– Таня, мы оба знаем, в чем дело, – заявил супруг. – Так больше продолжаться не может! Твой новый роман...

Татьяна не дала ему договорить:

– Мой новый роман почти готов. Еще пара глав – и ты первым получишь его. Как и было обещано, книга будет представлена в издательство к концу года.

– Важен не только текст, но и его качество! – отрезал Игорь. – Утомительная тягомотина никому не нужна. Философские размышления о сущности жизни тоже.

Татьяна знала, что замечания мужа ей стоит принять на свой счет. В последних романах она пыталась донести до читателя философские истины, однако, несмотря на огромный тираж, хорошие продажи и одно из первых мест в списке бестселлеров, критики единодушно сошлись в том, что это – провал Журавской.

Хуже было, что того же мнения придерживался и Игорь.

– Этот мой роман – лучший из всего, что я создала, – заявила Татьяна, предвкушая комплименты издателя и восторженные отзывы критиков.

Писательница ни капли не сомневалась, она услышит их. Просто была уверена – способность творить вернулась к ней, причем с удесятенной силой.

– Так считаешь ты. Но как на самом деле? – продолжал гнуть свое муж.

Татьяна знала, Игорь крайне недоволен тем, что она не дает ему читать роман по мере написания – как когда-то раньше. Она заявила, что презентует ему готовый текст целиком.

– Позволь мне взглянуть! Пожалуйста! – попросил Игорь. – Хотя бы на первую главу...

– Нет! – не отступила Татьяна. – Ты получишь его через несколько дней. И будешь первым, кто прочтет мой шедевр.

– Танечка, я так горд за тебя! – Голос супруга стал нежным. – Да, я очень и очень горд за тебя!

Игорь подошел к жене, обнял ее, поцеловал. Татьяне стало так хорошо, как не было уже давно. Она положила голову ему на плечо, чувствуя щекой его дыхание. Муж гладил ее по волосам, шепча что-то трогательное. И Татьяна вдруг подумала, что последний раз они занимались любовью... Когда же это было? Так давно, что даже вспомнить не получалось!

– Танечка, ты самая лучшая... Ты необыкновенная... Ты...

Внезапно Игорь смолк. Татьяна почувствовала, что его тело напряглось, а рука, обнимавшая ее за талию, превратилась в клешню.

Распахнув глаза, она увидела, что супруг, на лице которого застыла странная гримаса, всматривается куда-то в сторону, точнее, за ее спину. Ну конечно же, Игорь смотрел на дисплей компьютера и *жадно читал роман*, хотя ей так не хотелось, чтобы муж увидел текст до того, пока не будет поставлена последняя точка. Во всяком случае, не это ее произведение! Не ее лучшую книгу!

Татьяна встрепелась, оттолкнула мужа. А тот, словно не заметив легкого удара, шевеля губами, продолжал просматривать электронные страницы.

– Я тебе запрещаю! Прекрати немедленно! – крикнула Татьяна.

Но Игорь, казалось, не слышал ее. И продолжал читать, гоня при помощи «мышки» курсор от одной главы к другой. Перед глазами Татьяны мелькали ряды черных букв, сливавшиеся в угрожающую армию – армию, повелительницей которой была исключительно она сама!

– Прекрати! – воскликнула писательница.

Однако муж не внимал ее просьбам и требованиям. Тогда Татьяна довольно грубо пихнула его в сторону. А когда и это не возымело успеха, ударила его рукой по голове. Точнее, намеревалась ударить, причем легко, так, для остротки, чтобы он расслышал ее слова. Но Игорь как раз в данный момент повернулся – глаза у него были широко распахнуты, на губах играла странная улыбка. Он походил на человека, только что увидевшего призрака. Или на принявшего изрядную порцию какого-нибудь наркотика. Или на человека, ошеломленного прочитанным.

Так и было: Игорь был вне себя. Вне себя от того, что только что сумел пробежать глазами.

Вне себя от ее романа.

Но его резкий поворот сыграл роковую роль – вместо того чтобы коснуться рукой затылка мужа, Татьяна попала ему ногтями по губам. Игорь вскрикнул, отступил и тотчас прижал к лицу ладонь, глядя на жену удивленно. Нет, потрясенно. Татьяна заметила тонкую струйку крови, обвивавшую, подобно крошечной змее, его пальцы.

– Игорек, с тобой все в порядке?

Муж ничего не ответил, а только повалился в кресло. Напуганная женщина тотчас бросилась в ванную. Вытащила там из большого шкафа чистое полотенце, намочила его холодной водой и вернулась в кабинет.

Супруг же как ни в чем не бывало снова припал к компьютеру, читая роман.

– С тобой все в порядке? – повторила Татьяна, протягивая ему полотенце.

Муж снова повернулся к ней, взял полотенце. Губа Игоря была рассечена, однако кровь уже начинала сворачиваться.

– Давай я тебе помогу, – подошла ближе Татьяна, желая стереть с лица мужа следы крови. – Продезинфицировать бы ранку надо...

Супруг дернулся и произнес, прикладывая полотенце к лицу:

– Все в порядке, все в порядке!

Тон у него был непонятный. Какой-то приглушенный. Даже испуганный.

Татьяна подошла к столу и, захлопнув крышку ноутбука, воскликнула:

– Ты же знаешь, пока роман не закончен, читать его могу только я сама!

Однако ей было любопытно, что супруг думает о ее новом произведении. О романе, которому суждено стать ее лучшим.

Конечно же, у него не было времени не только чтобы прочесть весь роман, но и даже для того, чтобы просмотреть все страницы. Однако Татьяна знала, что Игорь обладает уникальной способностью выцеживать из прочитанного самое важное и в рекордно короткие сроки составлять мнение о произведении, даже ознакомившись с небольшой его частью. Мнение, которое, как показывала практика, совпадало с мнением широкой читательской массы.

Игорь промокнул рану, положил полотенце на стол и произнес:

– Это самое необычное из всего, что мне доводилось читать!

Татьяна наклонила голову. Слова супруга – комплимент или завуалированное критическое замечание? И отчего такая странная реакция?

– Так тебе понравилось или нет?

– Я пробежал глазами всего несколько абзацев... Если хочешь услышать мой вердикт, дай мне возможность прочитать весь текст!

– Нет, исключено! – твердо возразила Татьяна. – Роман не дописан и вообще...

– Я думаю, что знаю, как закончится твоя новая книга, – заявил вдруг супруг.

– И как же? – выпалила Татьяна.

Игорь ничего не ответил, а только болезненно поморщился, потому что из рассеченной губы вновь пошла кровь.

Тем не менее она ему верила. Потому что за годы совместной жизни изучила супруга. И знала, когда тот обманывает, а когда говорит правду.

– Откуда тебе может быть известна развязка? – спросила Татьяна требовательно.

Игорь продолжал молчать.

– Кстати, ты ведь хотел что-то отметить, да? – спросила Татьяна. – У тебя вроде имеется повод, что-то отпраздновать. Что именно?

Муж явно колебался. Он поднялся из кресла, снова приложил к ранке на губе мокрое полотенце и сказал:

– Я думаю, ты и так знаешь, Таня. Но мне пора. Меня ждет один человек...

Игорь повесил полотенце на спинку кресла и направился к двери. Татьяна крикнула ему в спину:

– Один человек? Скажи прямо, женщина! А еще точнее – твоя любовница!

Она выпалила то, что давно вертелось у нее на языке, но что никак не решалась выговорить. Сказала – и сама испугалась. Даже зажмурилась от испуга. Потому что боялась – а вдруг то, что она в сердцах ляпнула, окажется правдой?

Муж медленно развернулся и без тени улыбки произнес:

– Да, ты совершенно права, Таня. У меня есть другая женщина. Я ее люблю.

Писательница стояла не шелохнувшись. Что лучше – узнать шокирующую правду или жить в уютном и насквозь фальшивом мире собственных фантазий и иллюзий?

Впрочем, она уже сделала свой выбор.

– Ты ее любишь? – прошептала Татьяна, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы. – А как же я?

Игорь вздохнул. Сделал было шаг по направлению к жене, но потом передумал и снова отступил. Даже если бы муж и захотел ее обнять, она бы ему не позволила это сделать.

– Таня, что поделаться... Да, мы когда-то любили друг друга, но это прошло. Теперь я люблю другую. И она меня, кстати, тоже. Так что между нами все кончено. Знаю, знаю, должен был сказать тебе об этом много раньше, однако все не решался...

Много раньше... Значит, муж разводит шашни со своей новой пассией у нее за спиной в течение долгого времени!

– Она ведь моложе? – спросила резко Татьяна. – Так да? Не лги!

Игорь пожал плечами.

– Моложе. Ну и что с того?

Естественно, моложе! И почему только мужики, бросая законную половину и уходя к незаконной, всегда предпочитают старой молодую, а никак не наоборот? Вот только пусть про любовь не говорит! Потому что не в любви дело...

В мозгу у Татьяны вспыхнула сцена: Игорь и молодая особа лет двадцати с небольшим – конечно же, с идеальной фигурой, конечно же, с большим бюстом – предаются любви на гигантской, затянутой черным шелком кровати...

Проклиная свое воображение, Татьяна усмехнулась: скорей всего именно так – дешево, мелодраматично и в то же время жестоко – это и имело место. И почему, собственно, имело? Конечно же, и имеет!

– Кто она? Я ее знаю?

– Какая разница! – отмахнулся муж. На что Татьяна кивнула:

– Выходит, не исключено, что знаю. Как же ты опустил, Игорек! Завел любовницу из числа наших общих знакомых!

– Ну почему же знакомых... – вставил муж. И тут же спохватился, что выдал себя с головой.

– Значит, не из числа знакомых, – едко произнесла Татьяна. – Из числа родственников?

Игорь, которому разговор был в тягость, попытался... оправдаться, что ли:

– Мне не хотелось, чтобы ты узнала это в такой форме. Но ничего не поделаешь. И у меня, если честно, гора с плеч свалилась...

А что за глыбу взгромоздил ей на спину своим трусливым признанием он, конечно же, и думать не думал, вздохнула Татьяна.

– Я понимаю, что тебе будет нелегко, однако у каждого из нас свой путь... – продолжал бормотать Игорь.

– И твой путь ведет в сторону? Только вот ведь незадача – твоя избранница, судя по всему, бедная студенточка или кто-то в таком роде. Расставаясь со мной, ты упускаешь источник финансирования твоих безумных бизнес-проектов, – подпустила в свою реплику ехидцы Татьяна.

Что правда, то правда: теперь-то Игорь раскрутился, но ведь начиналось все с денег, которые зарабатывала его жена-писательница. Да и сейчас ему не требовалось брать кредит, если требовалась финансовая инъекция, жена-то его была долларовой миллионершей.

– Думаю, как-нибудь с этим справлюсь, – ответил супруг, вытаскивая из кармана телефон и нажимая кнопку. Игорь чего-то ждал, а затем лицо его, напряженное и строгое, вдруг посветлело. – В конце концов, ты ведь тоже когда-то была не известной писательницей, а простой преподавательницей юридического вуза...

Приложив к уху телефон и не прощаясь, он удалился из кабинета в коридор. До Татьяны долетел его воркующий голос:

– Зайка, это я...

Зайка... Вот как он именует свою безымянную подругу. Впрочем, если бы Татьяна хотела, то могла бы выяснить, на кого променял ее муж. Однако ей было противно – противно и тошно. И, кроме того, ужасающе горько.

Она почувствовала боль в сердце. А потом ощутила, как из глаз покатились слезы. Услышала – дверь распахнулась, – на пороге появился Игорь. Его лица Татьяна из-за пелены слез, что застилала глаза, не видела, только фигуру. Муж пытался ей что-то сказать, но Татьяна крикнула:

– Убирайся! Уходи немедленно! Я ненавижу тебя, ненавижу!

Игорь не отставал, и тогда Татьяна закрыла глаза, зажала уши руками. Все ушло, все превратилось в пыль...

И тут в памяти всплыла строчка невесты где и когда прочитанного стихотворения, имени автора которого она не помнила:

Сапфировый остров, луна изо льда...
Куда же ты делся, мой милый, куда?
Ушел ты к другой, подло бросив меня?
Без ласки твоей не прожить мне и дня...

Или это – «шедевр» Игоря, увлекавшегося на досуге рифмоплетством?

Да, в воскресенье девятнадцатого сентября они расстались окончательно и бесповоротно.

Татьяна молила только об одном – чтобы все быстрее кончилось, чтобы ушла эта боль, чтобы Игорь оставил ее в покое...

Когда в самом деле все кончилось, Татьяна отправилась в ванную. Посмотрела на себя в зеркало – и ужаснулась. Конечно, она уже далеко не девочка, ей ведь сорок седьмой год. А тут еще волосы растрепались, глаза покраснели, щеки припухли и блестели.

Приведя себя в порядок и наскоро проглотив тонизирующую таблетку, Татьяна вышла в коридор и направилась к входной двери. Створка была приоткрыта. Она выглянула наружу – никого. А затем с силой захлопнула дверь, чувствуя, что слезы снова начинают струиться из глаз. Татьяна заперла дверь на все замки и повесила даже стилизованную под старинную толстенную цепочку. *Так-то лучше!*

Игорь удалился – уехал к своей любовнице, которую именовал «зайкой». И при этом пытался чего-то от жены добиться. Вспомнил о разделе имущества! Какой он, оказывается, джентльмен... Уходить с пустыми руками от жены-миллионерши считал все-таки неблагодарным. Конечно, она ведь зарабатывала больше его – и именно она обеспечивала ему приятный и необременительный стиль жизни плейбоя. А теперь у него у самого на содержании молодая подружка. И от кого, как не от опостылевшей старой жены, заполучить деньги на то, чтобы ублажать «зайку»?

Однако Игорь ничего не получит. Что бы ему ни причиталось, Татьяна ему ничего не отдаст – из принципа. Не могла же она допустить, чтобы на ее деньги, заработанные сочинительством романов, бывший муж оплачивал прихоти глупой «зайки». Того, что «зайка» могла оказаться умной, Журавская не допускала ни на мгновение.

В конце концов, ничего от нее не добившись, Игорь и удалился. Причем не считал нужным запереть за собой дверь. Татьяна и думать не желала, чем он будет сейчас заниматься со своей «зайкой». Хотя фантазия по-прежнему навязывала постыдные сцены.

Однако *Игорь ее в покое не оставит*. Он ведь, кажется, говорил что-то про отличного адвоката, который выпотрошит писательницу, как рождественскую индейку. Неужели все эти годы муж ее не любил? Ведь если любишь, то не станешь делать дорогому тебе человеку больно. Хотя ведь мог и разлюбить... Но все равно, разве можно намеренно заставить страдать того, кого любил раньше?

Татьяна усмехнулась, вспомнив сюжет одного из своих первых романов. Очень даже можно! Тот супруг, который измывался над женой, понес заслуженное наказание. А вот понесет ли наказание Игорь?

Она снова отправилась в ванную. Напустила в мраморную купель горячей воды, развела ароматные масла, взбила засверкавшую в лучах лампы мыльную пену и, погрузившись в ванну, задумалась.

Единственным наказанием для Игоря станет отсутствие денег. Тогда, и Татьяна этого не исключала, он, осознав, что ее миллионов ему не видать, попытается вернуться. Однако путь назад изменнику заказан.

И все же она по-прежнему любила его. Потому что нельзя вдруг, в течение пары минут, разлюбить человека. Во всяком случае, Татьяна не могла. Если бы только она была в состоянии нажать какую-нибудь кнопку, при помощи которой можно отключить свои чувства к Игорю...

Но неужели на этом все и закончилось?

Татьяна снова заплакала – и в этот момент услышала подозрительный звук. Звук, который был ей отлично знаком.

Квартира, в которой она обитала, располагалась в отреставрированном старинном особняке. Соседей было только четверо, Журавская с мужем занимали двухуровневые апартаменты наверху. Дом до революции принадлежал старинному дворянскому роду, фигурировал в каком-то романе то ли Гончарова, то ли Писемского и, как утверждали знатоки, являлся пристанищем привидений.

В привидения Татьяна не верила, но не сомневалась, что человек из крови и плоти намного хуже любого экранного монстра или книжного маньяка. А тот звук, который донесся до нее, мог издать только человек из крови и плоти, никак не привидение.

Это был скрип сухой половицы, на которую кто-то осторожно наступил. И Татьяна даже знала, где именно располагалась та половица – в коридоре, перед лестницей, которая вела на второй этаж.

Квартира, конечно, подверглась капитальному ремонту, старый пол заменили новым паркетом. Когда выяснилось, что пол около лестницы издает скрипящие звуки, было уже поздно. Правда, начальник бригады строителей предлагал Татьяне снять паркет, устранить причину скрипа. При помощи какого-то хитрого прибора, который мог «смотреть» через несколько слоев, выяснилось, что, где-то внизу имеется то ли балка, то ли люк якобы даже с замочной скважиной. Скорей всего там и скрипит.

– В таких домах возможно всякое! – сказал тогда бригадир ремонтников. – Вот недавно мы работали в подобном особняке и снесли стену. Так оказалось, что за ней – комната, ни на одном из чертежей не обозначенная! И в ней куча старой женской одежды, в которой крысы гнездо свили. А еще наша фирма отремонтировала старинную виллу, и там клад нашли! В стеной нише, отлично замурованной, обнаружили золотые червонцы и редкостной красоты изумрудное кольцо. Раньше в том доме купеческая семья жила, которую в революцию однажды ночью вырезали. Видимо, хозяева все свои накопления заранее спрятали, и налетчики ничего не нашли. Клад без малого сто лет нас дождался. Так, может, у вас тут тоже какое сокровище заховано?

Но Татьяна отказалась от новой переделки, потому что была уверена – прораб пытается втюхать ей дорогостоящее и ненужное продолжение ремонта. Хотя рассказанная им история о кладе была не придуманная, а всамделишная: о той находке даже газеты писали и репортаж по центральным каналам прошел. Только Журавская сочла, что иметь в своем доме скрипящий пол и собственное ручное привидение не так уж и плохо. О призраке писательница иногда упоминала в интервью. А вот о скрипящей половице мало кто знал...

Особенно хорошо был слышен скрип ночью. Но он Татьяне никогда не мешал. Потому что сразу было понятно: Игорь спустился вниз, чтобы достать воду из холодильника, или пошел на балкон покурить. Скоро раздастся повторный скрип, муж вернется в теплую постель, обнимет жену, и она снова сможет погрузиться в сон.

Но теперь Игорь уже никогда не ляжет к ней в кровать, не обнимет ее и не прижмет к себе.

Татьяна прислушалась – неужели у нее начались звуковые галлюцинации на почве стресса? Потому что для того, чтобы половица издала скрип, кто-то должен был наступить на нее. *А ведь в квартире, кроме хозяйки, никого нет!*

Она напряженно прислушалась, однако в квартире царила гробовая тишина. Эпитет, пришедший на ум, ей не понравился. Татьяна закрыла глаза и погрузилась в пену, понимая, что ей требуется отдых. Нервы расшатались, надо бы последовать совету Льва Николаевича и поехать в альпийскую клинику. Как же она называется?

И тут до нее донесся повторный звук, который не оставлял сомнений: *в квартире она не одна*. Татьяна быстро поднялась из ванны, ступила на теплый пол и дрожащей рукой нащупала халат.

Но кто может находиться в квартире? И как этот некто проник внутрь? Журавская осторожно выглянула из двери ванной – в коридоре никого не было. Комнаты утопали в темноте. Татьяна сделала шаг и оказалась на паркетном полу. Она знала – стоит ей нащупать рукой выключатель, как всюду зажжется свет. И вообще стоило прислушаться к совету дизайнера интерьеров, который предлагал установить лампы, которые загорались автоматически, когда в помещение кто-то входит.

Ее пальцы уперлись в изогнутый рожок. Татьяна повернула его – но вместо того чтобы загореться, свет мигнул и сразу погас. *Причем во всей квартире.*

А затем опять раздался так хорошо знакомый звук – кто-то наступил на половицу около лестницы. Потом донеслись приглушенные шаги – неизвестный медленно поднимался по ступеням вверх.

О подобном Татьяна когда-то писала в одном из своих романов, однако и помыслить не могла, что сама окажется в эпицентре таких ужасающих событий. Женщина четко и ясно слышала, как по лестнице кто-то шел – по направлению к ее спальне.

Только кто это мог быть? Она же заперла замки, оставив связку ключей в скважине одного из них. И не только заперла, но и повесила на дверь цепочку!

Хотя, конечно, для более-менее профессионального грабителя не составит труда открыть и замки, и цепочку. Но ведь воры не лезут в дом, если знают, что в нем находятся хозяева...

И вдруг Татьяна вспомнила, что сейчас глубокая ночь, а жалюзи на окнах, по ее старой привычке, были опущены. Это значило, что злоумышленники не видели света в комнатах. Потом они заметили, что Игорь ушел – грабители наверняка вели наблюдение, – и решили идти на дело, ошибочно полагая, что больше никого в квартире нет.

Писательница перевела дух, сосредоточилась и поняла ошибку в своих рассуждениях: воры, когда пытались открыть дверь и наткнулись на цепочку, навешенную изнутри, должны были понять, что в апартаментах кто-то есть. Но они все равно решили продолжить начатое? Что же это за грабители такие?

Хотя кто сказал, что в ее жилище забрались именно грабители? Татьяна в ужасе подумала о той сцене, над которой работала до того, как появился Игорь: к девице, находившейся в одиночестве в загородном коттедже, проникает маньяк, желающий убить ее зверским образом...

Ведь маньяк мог проникнуть и в ее квартиру – *настоящий маньяк, в настоящую квартиру автора недописанного романа.*

Татьяна снова прислушалась – и расслышала, как тихонько скрипнула дверь. Человек, проникший в квартиру, поднявшийся по лестнице, оказался в ее спальне. Журавская быстро метнулась в кабинет. На столе, поблескивая огнями, стоял ноутбук, который питался от аккумулятора. Бледный свет позволял ей рассмотреть контуры вещей. Да, собственно, она могла действовать и на ощупь.

Детективщица выдвинула тот ящик стола, где должны были покоиться ножницы. Запустила кисть внутрь, будучи уверенной, что сейчас ее пальцы ощутят прохладные стальные лезвия и пластиковые кольца и...

Однако никаких ножниц в ящике не было.

Татьяна недоуменно пошарила рукой. Но ведь ножницы не могли никуда завалиться – они для этого слишком большие! Спокойно, значит, сунула их не сюда... Писательница раскрыла другой ящик, располагавшийся ниже. А затем и самый верхний.

Ни в одном из них ножницы не обнаружались. Словно испарились. Неужели она забыла, что переложила их? Да нет же, нет, с чего бы ей их перекладывать... И тут четко вспомнилось, как бросила ножницы именно в средний ящик. Они должны находиться там! И если их там нет, значит, *их кто-то взял.*

Волна страха захлестнула Татьяну – взять их мог только тот, кто, скрипнув половицей на лестнице, поднялся в спальню. Но откуда... Откуда он мог знать, что ножницы находятся в среднем ящике стола, стоящего в кабинете?

И вдруг Татьяна все поняла. Почему она решила, что кто-то проник в квартиру? Ведь может статься, *кто-то и не покидал квартиры.* И этим кем-то был Игорь.

Да, она слышала его шаги в коридоре, то, как он открывал дверь, как та хлопнула...

Хотя опять же что-то не так. И Татьяна быстро сообразила, что именно. Если муж ушел, оставив ее в кабинете, и хлопнул дверью, причем так, что она слышала хлопок даже несмотря на зажатые уши, то как пятью минутами позднее створка оказалась приоткрытой? Ведь входная дверь квартиры особой конструкции, швейцарского производства. Если ее захлопнуть, то она точно не распахнется. Одним словом, створка должна была быть закрыта – но зияла щелью.

Чувствуя, что страх проходит, Татьяна догадалась: Игорь всего лишь разыграл свой уход. А сам остался в квартире, затаился, скажем, в гостиной или на кухне. *А потом...*

Только зачем ему надо было оставаться в квартире? Чтобы забрать свои вещи? Туалетные принадлежности? Важные бумаги? Для этого вовсе не обязательно прятаться на темной кухне и потом пугать ее, крадучись по скрипучей лестнице!

Или... Или в том-то и заключался замысел Игоря. Муж хотел именно напугать жену – ввести в заблуждение, вызвать страх, заставить дрожать. И вырвать у нее таким образом то, к чему он стремился, – часть ее кровных, заработанных литературным творчеством денег.

К тому же Игорь, очевидно, знал, где хранятся ножницы – в ящике стола.

Приободренная, Татьяна вышла из кабинета и громко произнесла:

– Игорек, я знаю, что это ты! Не надо прятаться и играть в страшилки. Если думаешь, что сможешь запугать меня, то ошибаешься. Я вызову сейчас полицию, и дело с концом!

Тишина.

Журавская, ступая совершенно неслышно, поскольку была босиком, проскользнула по коридору на кухню, выдвинула ящик и нащупала полированную гладкую поверхность рукоятки большого разделочного ножа. Нет, бросаться на мужа с холодным оружием она не собиралась, однако не ведала, с какими такими намерениями тот остался в квартире.

– Игорек, ты ведь понимаешь, чем тебе грозит встреча с полицией! – снова заговорила Татьяна, подходя к лестнице. – Мне достаточно будет сказать, что ты угрожал мне, пытаюсь склонить к тому, чтобы я отдала тебе часть своего имущества...

В этот момент половица под ее ногой предательски скрипнула. Татьяна замерла: надо же, совсем забыла о ней! Значит, муж, наверняка услышавший этот звук, понял, что она задумала. И приготовился встретить ее наверху.

– Не вынуждай меня подниматься к тебе! – крикнула писательница. – Потому что в таком случае ты рискуешь оказаться героем крупного скандала...

В этот момент наверху снова тихонько скрипнула дверь – и Татьяне стало ясно, что тот, кто находился в спальне, вышел оттуда. *А затем приблизился к лестнице.*

Тьма была, хоть глаз выколи, и, несмотря на то, что глаза Татьяны уже давно должны были привыкнуть к ней, ей не удавалось различить не только лица, но даже фигуры того, кто находился на верхних ступенях лестницы. И все же что-то заставило ее подумать: это вовсе не Игорь. Да, муж подлец и предатель, однако он бы не стал так запугивать ее. *И почему вообще пришло в голову, что в доме именно Игорь?*

Ведь супруг-изменник, хлопнув дверью и покинув квартиру, мог отдать ключи кому-то другому. Тому, кто и проскользнул внутрь – и затаился где-нибудь, пока хозяйка принимала ванну. Только вот с какой целью Игорь запустил сюда незнакомца?

Едва Журавская задала себе этот вопрос, как все стало на свои места. Ее дебют, «Ангелы умирают последними!» Тот, за который она получила целых три тысячи долларов, чему была безмерно рада. Роман, который писательница не очень любила, потому что, перечитывая, находила в нем множество огрехов. Однако это была книга, принесшая ей определенную известность и позволившая начать восхождение к вершинам литературной славы.

Среди прочих в этом романе имелась второстепенная, однако важная для главной цепи событий сюжетная линия. И повествовала она о том, что муж решил убить свою богатую жену. Для этого негодяй договорился с уголовником, специализировавшимся на наемных убийствах, и вручил ему ключи от квартиры – связку, которую его супруга якобы потеряла. Муж-заказчик удалился на деловую встречу, обеспечивая себе алиби, а исполнитель-киллер проник в дом, чтобы выполнить свою работу – совершить убийство.

Конечно, параллель с хичкоковским шедевром «В случае убийства набирайте «М» была очевидна, только в отличие от киношедевра уголовнику удалось выполнить заказ и удалиться прочь. Это служило завязкой действия и началом расследования, которое предстояло распутать героине книги, оперативнице Альбине Дурново.

Татьяна даже усмехнулась, хотя смеяться в подобной ситуации было верхом глупости. А ведь отлично придумано! Игорь наверняка позаботился о том, чтобы имелись свидетели, видевшие, как он покидал квартиру жены. А потом окажется, что на жену было совершено нападение – она якобы стала жертвой домушника. Какая жалость, знаменитая писательница погибла. А наследником ее состояния станет законный супруг... Вот как!

Тут же стало ясно, отчего Игорь так жадно просматривал недописанный последний роман. И отчего интересовался, скоро ли он будет завершен. Потому что жаль убивать писательницу, последняя книга которой готова только наполовину или на три четверти. А ведь книга почти закончена – и если внимательно прочесть текст, то можно понять, кто же является убийцей, то есть кто именно скрывается под личиной безжалостного маньяка, готовившего изысканный ужин из внутренних органов молодых девушек.

Игорь, всегда читавший ее романы крайне внимательно, в абсолютном большинстве случаев находил еле заметные нити, протянутые Татьяной через страницы и главы, которые выводили его в центр лабиринта, где восседал минотавр, он же главный злодей. Только в одном из них он не сумел вычислить убийцу, о чем постоянно сокрушался на протяжении всех последующих лет.

Это значило: Игорь понял, что, прочитав роман, догадается, кто является маньяком, а потом сможет или сам дописать пару недостающих страниц, или отдать на доработку «литературным неграм». И, получив наследство покойной жены, продаст как можно дороже ее последний роман, завершенный буквально в день смерти.

Татьяна даже боялась предположить, какой гонорар заполучил бы ее алчный муженек за «лебединую песню» своей супруги. Вместе с наследством вполне хватит для утех с «зайкой».

Причем Игорю даже не потребовалось выдумывать план убийства – *она сама написала его много лет назад*. Ему оставалось только воплотить ее идею в жизнь...

– Я знаю, что вы пришли убить меня, – снова заговорила Татьяна, чувствуя, как предательски дрожит ее голос. – Однако у вас это не получится. Потому что я уже вызвала полицию.

Тот, кто только что сделал шаг по лестнице, замер. Татьяна не сомневалась, убийца вывел из строя домашний телефон. Но ведь имеется мобильный! Хотя, с учетом современных технических чудес, при помощи портативного прибора, который можно принести с собой, вполне реально заглушить и сигнал сотового. Оставалось лишь надеяться, что киллер, нанятый Игорем, не владеет подобным устройством.

Или все же владеет?

– Поэтому даю вам ровно одну минуту, чтобы убраться отсюда подобру-поздорову, – продолжила писательница, напряженно вглядываясь в темноту. – Задержаться здесь дольше для вас смерти подобно. К тому же у меня в руке разделочный нож, напасть и просто укокошить меня не выйдет. Так что ваш план пошел насмарку!

Думаю, вы это и сами отлично понимаете.

До нее доносилось, хотя и еле слышно, дыхание того, кто замер на верхних ступенях лестницы. Незнакомец, кажется, был облачен во что-то темное, с головы до пят. Лица она, конечно же, не видела и не смогла бы даже сказать, мужчина перед ней или женщина.

– Уходите – и никогда больше не возвращайтесь! – выкрикнула Журавская и ринулась в кухню. А потом прислонилась спиной к холодильнику и, зажав обеими руками нож, выставила его вперед.

Она слышала, как тот, кто находился в квартире, спустился по лестнице. Снова скрипнула половица. А потом гроыхнула цепочка, щелкнул замок – тот, чье лицо писательница так и не разглядела, выскользнул из квартиры в общий коридор.

Татьяна еще некоторое время стояла, прижимаясь к холодильнику, словно надеясь на то, что тот защитит ее от убийцы. И когда рефрижератор вдруг заурчал, подпрыгнула от ужаса. Хотя тут-то пугаться было нечего – просто в ее обесточенной до того квартире снова появилось электричество.

В коридоре зажегся яркий свет. Татьяна вспомнила, что, выйдя из ванной, «экспериментировала» с выключателем и, видимо, так и оставила его во включенном состоянии. Она осторожно выглянула в коридор – и увидела приоткрытую входную дверь.

Женщина бросилась к ней, захлопнула, словно ожидая, что некто попытается ворваться в квартиру. Чего, конечно же, не произошло. Навесив цепочку, Татьяна обернулась – и вдруг сообразила: убийца ведь мог разыграть тот же спектакль, что и Игорь до этого. То есть сделать вид, будто ушел, а на самом деле затаиться в квартире.

Но кто тогда включил свет? Сообщник?

Татьяна быстро заглянула в ванную, в которой никого не было. В кабинет киллер проникнуть от входной двери точно не мог – она бы услышала. Но, приоткрыв дверь, вполне был способен подняться наверх, в спальню, миновав на сей раз предательски скрипевшую половицу...

Неужели убийца решил довести до завершения задуманное, не поверив в то, что она вызвала полицию?

Однако сдаваться писательница не намеревалась. Ее охватила ярость, более того – настоящий приступ геройства. Зажав в руке нож, женщина бросилась по лестнице вверх. Вот и дверь спальни, которая распахнулась от удара ноги. Никому, даже профессиональному киллеру, не позволит играть с собой! Да еще в собственной же квартире!

Татьяна включила свет, приготовившись к тому, что увидит посреди комнаты обритого налысо типа с татуировками. Или, наоборот, томного красавца со складным ножом в затынутых перчатками руках.

Но ни уловника, ни московского Дориана Грея в спальне не обнаружилось. Там вообще никого не было.

Детектившица заглянула в соседнюю комнату-гардеробную. Ткнула ножом в висевшие на перекладине платья и костюмы. Нет, там никто не прятался.

Не было никого и под кроватью. И за портьерами тоже. Значит, убийца все же ушел. Чего и следовало ожидать – наверняка страх испытывают не только жертвы, но и убийцы. Даже самые жестокие, даже самые матерые. Они ведь, как-никак, тоже люди.

Татьяна вновь подумала о маньяке из своего последнего романа. Да, ее «герой» был, естественно, представителем человеческой расы, однако с точки зрения морали – бешеным зверем. Такой бы не отступился. Как же хорошо, что это порождение тьмы ночной было всего лишь плодом ее фантазии...

Взгляд писательницы упал на дверь – неплотно прикрытую створку, которая вела в прилегающий к спальне санузел. Странно, но там горел свет. Хотя Татьяна была уверена, что выключала его...

Зажечь его снова мог только один человек – тот самый, что побывал недавно в квартире и пару минут назад покинул ее. *Или все же не покинул?*

Подойдя к двери ванной, Татьяна почувствовала, как страх снова накатил на нее. В голове мелькнуло неожиданное сравнение: как будто она была серфингистом, который, совершив массу головокружительных пируэтов по гигантским волнам, оказался сброшенным в воду около самого берега легким приливом.

А что, если убийца все еще тут?

Кстати, почему она постоянно называет незнакомца убийцей? Что ж, особой ошибки и нет. Во-первых, в квартире побывал явно профессионал. А во-вторых, ему предстояло стать убийцей – убийцей писательницы Татьяны Журавской.

Она положила ладонь на ручку двери. А потом резко открыла ее и влетела в ванную. Нет, киллера не было и там. Никто не прятался ни в чаше ванны, ни в душевой кабинке. Татьяна вздохнула, чувствуя, что напряжение отпускает ее, как будто она сбросила с себя тонну груза.

Детективщица повернулась – и вскрикнула. Потому что убийца, побывав в санузле, оставил свою метку. Словно зачарованная Татьяна подошла к большому зеркалу, на котором чем-то липким и красным, похоже, кровью, были начертаны кривые буквы, складывавшиеся в страшные и заставляющие дрожать слова: *«Я еще вернусь!»*

Несколько недель спустя

Татьяна вышла из лифта и оказалась в уютном, но в то же время солидном холле отеля, примыкавшего к клинике, оба здания были соединены изящным стеклянным туннелем. Средних лет женщина за стойкой улыбнулась и кивнула, приветствуя ее, как старую знакомую.

Но так, собственно, и было – за прошедшие недели Татьяна превратилась для работников отеля, где проживали пациенты клиники или их родственники и друзья, в старую знакомую, фрау Журавски.

Писательница обвела взглядом холл и как-то вдруг поняла, что настала пора возвращаться домой, на родину, в Москву. В квартиру, в которой побывал неизвестный. Конечно, оказавшись снова в России, она бы могла снять номер в любом, самом роскошном, отеле столицы. Или даже купить новую квартиру или новый особняк. Или, в конце концов, принять решение остаться в Австрии или в любой другой стране – денег для осуществления подобных планов у нее было предостаточно.

Да, могла бы... Для того, чтобы забыть то кошмарное, нереальное чувство, охватившее ее после обнаружения угрожающей надписи, после прочтения которой у нее случилась истерика, перешедшая в нервный припадок. Она даже толком и не помнила, как сумела добраться до телефона и попросить своего психотерапевта, Льва Николаевича, о помощи. Потому что к кому еще она могла обратиться?

Не в полицию же, в самом деле, звонить?

Хотя, конечно, она думала и об этом. У нее имелись влиятельные друзья в силовых структурах. Не составило бы труда нанять и целое детективное агентство. Но ведь тогда бы при-

шло рассказывать обо всем, что предшествовало вторжению неизвестного этакого сталкера, забравшегося на чужую, запретную для него территорию. А также о том, что за его появлением и несовершеннолетним им преступлением скрывается, по всей видимости, ее муж Игорь.

О, с каким бы удовольствием желтые газеты подхватили эту новость! Благо выдумывать ничего и не потребовалось бы. Как же, известная писательница становится жертвой неверного алчного супруга...

Этого нужно было избежать любой ценой – потому что история, в отличие от прочих, распространявшихся как о ней самой, так и коллегах по цеху, была настоящая. А реальность, как понимала Татьяна, далеко превзошла по своей жестокости и непредсказуемости фантазию любого самого гениального автора.

Она не хотела выносить сор из избы, хотя предполагала, что издательство было бы не прочь устроить шум в прессе в преддверии появления нового, долгожданного, романа Татьяны Журавской. Поэтому и в издательстве ничего не сказала, поставив лишь в известность, что улетает на отдых за границу. От нее требовалось предоставить готовый роман, а тот еще не был готов. Почти законченный роман находился на жестком диске ноутбука, а тот покоился сейчас в сейфе, в московской квартире.

Татьяна не взяла его с собой – думать о работе, находясь в Австрии, она не могла и не хотела. Прихватила только крошечную флешку, на которой находилась копия текста, вот и все.

Но дело было даже не в том, что, находясь на отдыхе, детективщица никогда не работала. Точнее, никогда не сочиняла и не правила написанное. Разве что перечитывала и делала пометки. В данный момент она была не на отдыхе, а на лечении, однако об этом никто в Москве не подозревал. Тем более что по официальной версии ей положено было бы находиться сейчас где-то в Тоскане. В действительности же писательница оказалась намного севернее, в Австрии, в земле Форальберг.

В издательстве ее считали особой надменной, непредсказуемой и эксцентричной. И правда, мадам Журавская могла, например, позволить себе уехать в неизвестном направлении. Все ждали ее нового романа, но именно в этом и заключалась проблема...

Она так испугалась визита незнакомца не только потому, что тот проник в квартиру, бывшую ее домом, ее крепостью. И не из-за того, что проник этот незнакомец явно с преступными намерениями.

У нее случилась истерика, и она страстно пожелала оказаться как можно дальше от Москвы, потому что и события в квартире, и, что ужаснее, надпись на зеркале были знакомыми для нее событиями.

Знакомыми – неверное слово. *Эти события она сама и выдумала!* В романе, что лежал недописанным в сейфе столичной квартиры, маньяк, убивавший молодых женщин и вырезавший им внутренние органы, чтобы приготовить изысканный ужин для своей больной мамочки, оставлял в квартирах своих жертв точно такую надпись – «Я еще вернусь» – во время первого визита. А во время второго, заканчивавшегося смертью несчастных обреченных девушек, зачастую безуспешно пытавшихся бежать, спрятаться от ужасной участи, иную: «Я вернулся».

Я еще вернусь... Именно эту фразу адресовал ей неизвестный субъект. В совпадения Татьяна не верила. В случайности тоже.

И это не были ни совпадение, ни случайность. Субъект, которого она для краткости окрестила маньяком, *знал содержание ее нового романа!*

Мысль простая и элегантная, даже сама собой разумеющаяся. Однако писательнице понадобилось некоторое время, чтобы прийти к данному умозаключению. Потому что до него в голову лезли уж совершенно экзотичные или даже просто паранормальные объяснения.

А так все стало на свои места – маньяк знал, какую именно фразу надо начертать на зеркальной стене ее ванной комнаты. Точно так же поступал и маньяк в ее новом романе,

причем делал это кровью своих предыдущих жертв, которую предусмотрительно таскал с собой в особом флаконе.

Перед отлетом за границу Татьяна отдала образцы жидкости, при помощи которой была нанесена угрожающая надпись, в лабораторию. Когда по Интернету пришел ответ, она уже находилась в клинике. Вообще-то во время курса лечения в Интернет она не заглядывала, газет не читала, наслаждалась природой и отвлекалась от тревожных мыслей разговорами с лечащим врачом. И только вчера вспомнила о том, что лаборатория наверняка уже сдала свое заключение. Вышла в Сеть – и обнаружила послание.

Всего несколько строчек, изменивших все. Потому что лаборатория пришла к однозначному выводу: субстанция является человеческой кровью третьей группы, резус-фактор отрицательный. Дополнительный генетический анализ показал, что кровь – женская.

Это и стало сигналом к решению, что пора возвращаться в Москву. Потому что вечно оставаться в Австрии Татьяна хоть и могла, но не хотела. Не хотела вовсе не из-за возможной ностальгии.

Нет, она боялась того, кто преследовал ее. Потому что этот человек – черная тень, сталкер, маньяк – добрался и до уютной клиники «Хексенмоор» у подножия Альп. В чем Татьяна убедилась, вернувшись однажды в свои апартаменты после очередного сеанса у профессора Шахта.

Тот, как выяснилось, прекрасно владел русским языком – его бабка, оказывается, бежала из России после революции, – что открывало для врача и его клиники отличные перспективы: к нему обращались нувориши из Восточной Европы. Профессор внешне походил на своего московского коллегу, Льва Николаевича. Говорил он по-русски свободно, но с легким грассирующим акцентом.

Герр Шахт не был знаком с медицинской картой Журавской, однако во время первого же сеанса воскликнул:

– Татьяна Валерьевна, я же вижу, вас что-то угнетает!

Человек он был проницательный, поэтому сразу заметил – пациентка находится на грани нервного срыва. И причина ее состояния – не только в творческом кризисе и измене мужа. Скорее, в чем-то ином.

Татьяна рассказала ему о том, что случилось с ней в московской квартире, и профессор тотчас порекомендовал обратиться в полицию. Но Татьяна, считавшая себя здесь, в Австрии, в безопасности, отвергла его идею, тогда она еще ничего не знала ни о результатах анализа крови, ни о том, что ее ожидает через пару недель.

– И все же, мы еще не добрались до причины! – сказал ей профессор после очередного сеанса. – Вы ведь хотите мне что-то сказать, Татьяна Валерьевна?

Наверное, она уж слишком резко поднялась тогда с кушетки и слишком поспешно заявила:

– Нет!

Герр Шахт не настаивал. Профессор вообще никогда ни на чем не настаивал, ждал. И в итоге пациент раскрывал перед ним душу. Но только не писательница Журавская, которая упорно держала свою тайну при себе.

– Смею надеяться, что смог помочь вам, Татьяна Валерьевна, хотя бы частично. Однако основную работу предстоит проделать моему московскому коллеге...

Этот разговор состоялся перед тем, как она вышла в Интернет и прочитала ответ, присланный из лаборатории. И до того, как поднялась к себе в номер.

Светило яркое солнце, и все-таки чувствовалось уже дыхание осени. Татьяна уселась на кушетку, а профессор Шахт, мягко улынувшись, произнес:

– У всего имеется начало и конец, Татьяна Валерьевна. Прямо как у романа. Вам ли, известнейшей писательнице России, не знать об этом?

Журавская ничего не ответила, только почувствовала, что ее начинает пробирать озноб. – Начало и конец есть и у любого психотерапевтического цикла, – продолжал профессор. – Потому что я принадлежу к числу тех специалистов, которые считают: если до сути проблемы не удалось докопаться в течение первых двух месяцев, то не помогут и последующие два года. Мы же с вами знакомы...

– Три недели, – закончила за собеседника Татьяна.

Герр Шахт кивнул.

– И я считаю, что мы добились поразительных успехов, Татьяна Валерьевна! Просто поразительных! Однако я по-прежнему настаиваю – вы должны обратиться в полицию. Сам я сделать это против вашей воли, конечно же, не могу...

Татьяна закрыла глаза. Нет, никакой полиции, никакой огласки! Со своей проблемой она справится сама! Потому что имя ее проблемы – Игорь.

– Повторяю, вы находитесь в опасности, причем в смертельной, – убеждал пациентку профессор. – И если ничего не предпринять, то все наверняка закончится трагически.

Врач взглянул на клиентку обеспокоенно, а потом добавил:

– Я говорил с московским коллегой, со Львом Николаевичем. И тот сходится со мной во мнении, что вам лучше задержаться у меня в клинике. Потому что возвращаться в Москву опасно!

Татьяна оторопело уставилась на профессора. Неужели он и Лев Николаевич затевают что-то за ее спиной?

– Это же в ваших интересах! Вас надо оградить от того ужаса, который поджидает в Москве... – зачастил герр Шахт, увидев, что пациентка поднимается с кушетки. – Речь идет о вашей безопасности, а она превыше всего!

– Благодарю вас, профессор, однако пока я в состоянии принимать самостоятельные решения, – ледяным тоном обронила Татьяна.

Врач приблизился к ней.

– Вас в моей клинике ничто не потревожит, вам здесь никто не угрожает. А московская квартира – западня. Вспомните, что случилось там незадолго до вашего отъезда!

Татьяна сухо заметила:

– И вы предлагаете мне прятаться? И как долго – всю жизнь? Вы же сами понимаете, что это невозможно. Я возвращаюсь в Россию!

– Как ваш лечащий врач настоятельно не советую вам это делать, – покачал головой профессор. – Оставайтесь в моей клинике, мы продолжим сеансы. Потому что вам требуется помощь. И я готов ее оказать, как готов сделать это и мой коллега Лев Николаевич – он прилетит сюда...

Татьяна рассмеялась – вот ведь два чудака! Решили, что напали на золотую жилу – имеют дело с глупой истеричной бабенкой, у которой денег куры не клюют. А что, хорошая мысль – лечить ее до опупения и получать за это колоссальные гонорары...

– Я приняла решение, – твердо произнесла писательница. – Билет на самолет в Москву я закажу сегодня же.

Опасаясь, что служащие отеля, выполняя негласное распоряжение профессора Шахта, затянут с покупкой авиабилета, Татьяна решила сделать это сама и вышла в Интернет. Затем заглянула в свой электронный почтовый ящик и обнаружила послание из лаборатории.

Итак, решение принято, билет был заказан. Она должна вернуться, просто должна! Убежать можно от stalkера, а вот от себя самой никак.

Но оказалось, что и от stalkера тоже нельзя. Потому что, уложив один чемодан, Журавская зашла в ванную, включила свет и – лицезрела на стене знакомые ей кривые буквы: «Я вернулся!»

Странно, но прежнего страха не было. Татьяна знала, что невесть каким образом маньяк выследил ее, проник в номер и оставил надпись. Но убивать он ее не будет – *по крайней мере, сейчас.*

Буквы писательница тщательно стерла, пытаясь понять, какой субстанцией те нанесены на плитку. И пришла к выводу, что это опять же кровь, однако человеческая или животного, сказать было сложно. Хотя, по всей видимости, тот, кто шел за ней по пятам, готов к убийству. И все же по какой-то причине его мишенью стала именно она, Татьяна Журавская?

Женщина проследила за тем, чтобы ее чемоданы оказались в багажнике автомобиля, за рулем которого находился работник отеля. Ему и надлежало доставить пациентку клиники в ближайший город, откуда стартовал самолет до столицы Австрии. А уже из Вены – в Москву.

Профессор Шахт не вышел проводить ее. Точнее, стоя на улице, Татьяна видела, как врач наблюдает за ней из наполовину приоткрытого жалюзи окна своего кабинета. Она махнула ему, прощаясь, а профессор быстро отошел в глубь комнаты.

Вдруг детективщицу пробрала дрожь – *а действительно ли это был профессор?* Или тот, кто следовал за ней по пятам, проник в его кабинет и... Думать о том, что киллер мог сделать, не хотелось.

Но на всякий случай Татьяна вернулась в отель и попросила даму, сидевшую за стойкой администратора, соединить ее с владельцем клиники. Трубку взяла секретарша Шахта, и оказалось, что тот принимает пациента, а тревожить профессора в такой момент запрещалось под страхом увольнения.

– Фрау Журавски, я передам герру профессору, что вы звонили, – прощбетала секретарша. – Желаете, чтобы он с вами связался?

– Нет, я просто хотела...

Татьяна запнулась. Что сказать в такой ситуации? Хотела, мол, убедиться, не находится ли профессор в руках маньяка?

– Хотела еще раз поблагодарить его за все, что герр Шахт сделал для меня, и пожелать ему всего самого наилучшего, – произнесла она наконец.

– Ах, как мило, как мило, фрау Журавски! – закудахтала секретарша. – Я обязательно передам ваши слова герру профессору. И не забудьте прислать ему свою следующую книгу с автографом – он будет чрезвычайно рад.

Татьяна повесила трубку, попрощалась с дамой-администратором и последовала к автомобилю. Шофер предупредительно распахнул перед ней дверцу. Писательница снова посмотрела на окно кабинета главы клиники, однако на сей раз жалюзи были спущены и плотно закрыты.

Наверняка профессор обиделся на нее. Что ж, имел полное право на это, ведь она повела себя с ним далеко не лучшим образом. Поэтому Татьяна приняла решение позвонить ему уже из Москвы. И, конечно же, прислать экземпляр нового романа – предложение секретарши пришлось ей по душе.

Однако странное щемящее чувство все еще продолжало терзать детективщицу. Словно она что-то упустила, словно чего-то не поняла...

Покою не давало то, что сталкер нашел ее. Вывод был один: Игорь дал ему задание, и киллер честно отрабатывает свои бандитские деньги.

Все бы ничего, Татьяна могла бы даже понять, что Игорь решил избавиться от нее, желая сойтись с «зайкой». Однако почему для этого выбрана такая непонятная стратегия? Не проще ли было бы подстроить несчастный случай или что-то в этом роде? А тот, кто преследует ее, знаком с содержанием последнего романа. Нет, пожалуй, лучше будет сказать, внимательно ознакомился с ним.

Татьяне вспомнилось, как муж жадно припал к монитору, просматривая текст. Однако именно что *просматривая!* Не исключено, Игорь выхватил один-другой абзац, возможно, даже тот, в котором идет речь о надписях, оставленных маньяком в жилищах его жертв.

Но ведь нападение сталкера произошло вскоре после ухода мужа. И тем не менее неизвестный начертал свою кровавую угрозу на стене ее ванной!

Татьяна прикинула, сколько прошло времени, и решила что вообще-то Игорь мог успеть выходя из квартиры и впуская туда убийцу, дать ему наставление, какую именно надпись и где сделать. Но как быть с кровью которой написаны буквы? Лаборатория ведь подтвердила, что это именно кровь, ошибки тут быть не может. Если сталкер узнал о необходимости наколоть странную фразу на стене ванной непосредственно перед проникновением в квартиру, откуда у него взялась кровь?

Версию о том, что несостоявшийся убийца носил ее с собой в пузырьке – на всякий, так сказать, пожарный случай, Татьяна отвергла как несостоятельную. Вампиром неизвестный тоже не являлся. То есть не был исчадием ада в мистическом или церковном представлении. Этот человек – исчадие ада в моральном и этическом отношении.

В то, что бандит, нанятый мужем, использовал для нанесения надписи на стену свою собственную кровь, Журавская также не верила ни секунды. Во-первых, кто на такое согласится: резать себе руку или ногу и выводить какие-то письмена? Во-вторых, даже если бы подобное и имело место, крови сталкеру пришлось бы пожертвовать весьма много, потому что буквы на зеркале в ванной были большие, кровь с них стекала, как со стола мясника. После такой кровопотери человек вряд ли бы мог нормально передвигаться. В-третьих, и это самое важное, кровь-то женская, по заключению лаборатории! Что – если принимать в качестве основного мнения будто сталкер использовал собственную кровь, – означает: *ее неведомый преследователь женского пола.*

В романах писательницы Журавской женщины совершали преступления, в том числе и убийства, наравне с мужчинами.

Какой-то любитель современных детективов провел исследование и установил следующее. Если автор книги – мужчина, то женщины у него в основном либо жертвы, либо второстепенные персонажи, например, любовницы отважного следопыта, занимающегося раскрытием преступления, или глуповатые подруги главного злодея. А вот если автор женщина, то существует высокая вероятность, что женщиной будет являться не только жертва, но и убийца. И, более того, главный герой-детектив. В смысле, героиня.

Так вот, в этом отношении писательница Журавская придерживалась гендерного равенства. И именно потому сейчас не верила, что сталкер женщина. Да, она неизвестную личность, проникшую в ее дом, разглядеть не смогла, но зато слышала шаги, дыхание. И теперь не сомневалась ни мгновения: ее преследователь – мужчина!

Хотя, не исключено, этот человек способен мастерски менять свое обличье и, вероятно, даже изображать, причем очень искусно, женщину. Конечно, только услышав дыхание и шаги сталкера, она прийти к такому выводу никак не могла, но имелись и иные причины для подобного умозаключения.

Игорь – Татьяна это знала наверняка – никогда бы не нанял женщину, пусть даже и супер-профессионалку, чтобы убрать опостылевшую супругу-писательницу. В серьезных делах ее муж был шовинистом. И наверняка выбрал бы в качестве наемного убийцы мужчину.

Значит, сталкер принес кровь с собой (о том, каким образом он раздобыл кровь, Татьяне думать не хотелось). Что позволяло сделать допущение: к проникновению в квартиру жертвы, *то есть в ее собственную*, убийца готовился заранее. И знал, что надо иметь при себе и какую надпись сделать на стене.

Весь вопрос заключался только: *как он все это узнал?*

Если согласиться с тем, что Игорь (вероятно, подсмотревший пару ключевых абзацев, пока коварно обнимал жену) не сообщил детали сталкеру непосредственно перед входом в квартиру, то это могло означать только одно: *сталкер был знаком с содержанием нового романа до того, как оказался в апартаментах автора!*

А вот тут открывалась масса возможностей. Потому что роман никто не читал – в этом Татьяна была уверена абсолютно. Никто, кроме нее самой, создательницы детективного произведения. Игорь бегло пробежал глазами текст за полчаса до нападения.

Но тот, кто осуществил нападение, должен был знать содержание будущей книги гораздо лучше. И не только потому, что он в курсе: маньяк на ее страницах оставлял не одну, а *две надписи*. Вероятность же того, что Игорь, глядя на монитор в течение пары-тройки минут, наткнулся на обе фразы, ничтожно мала.

На ее компьютере установлена отличная система защиты. Однажды, на заре литературной карьеры Татьяны, у нее в кафе украли ноутбук. Причем произошло это незадолго до выхода последней на тот момент книги в свет. Текст романа давно был сдан в набор, и в компьютере не было ничего, кроме массы отпускных фотографий и набросков нескольких давнишних, когда-то начатых, но так и не доведенных до ума повестей. Так что потеря ноутбука Журавскую не особо огорчила.

Однако пиар-отдел издательства раздул из этой бытовой кражи скандал небывалого масштаба, намекая на то, что у известной писательницы украли лэп-топ с ее новым произведением, причем имевшимся только в одном экземпляре и хранившимся в файлах исчезнувшего ноутбука.

Как бы там ни было, после этого случая Татьяна использовала особую систему защиты компьютера, вскрыть которую мог только чрезвычайно опытный хакер, да и то не без труда. В последнем она убедилась, когда как-то раз, трижды подряд введя неверный пароль, сама себе заблокировала доступ к папкам и файлам. Компьютерной фирме, специализировавшейся на подобного рода делах, потребовалось целых два дня, чтобы добраться до данных.

Точно такая же система защиты, и даже еще более совершенная, имелась и на ее ноутбуке, который покоился теперь в сейфе московской квартиры. На том самом ноутбуке, где и находился текст практически законченного нового романа.

Хоть Игорь и жил под одной с ней крышей, однако пароля не знал. Кстати, никогда и не спрашивал. А Татьяна нигде его не записывала, знала наизусть, раз в два месяца чуть-чуть видоизменяя по схеме, известной лично ей, поскольку не желала повторения ситуации с блокировкой доступа.

Значит, Игорь прочитать роман не мог.

И тут писательнице пришла в голову странная мысль – а что, если она огульно обвиняет мужа в ужасных деяниях, подозревая в причастности к нападению на нее? Быть может, сталкер действует сам по себе? Это маньяк, поступающий по наущению своего больного мозга, а не ее супруга?

Определенно, Игорь отпадает. Тогда кто иной смог ознакомиться с текстом? Кто-то из издательства? *Но как?*

Да очень даже просто! У нее ведь есть секретарша и помощница Аллочка, которую подобрали именно в издательстве затем, чтобы сотрудница контролировала процесс написания и сдачи нового романа.

Татьяне это было известно. А посему она сразу поставила перед Аллочкой ультиматум: или та не лезет в дела, которые ее не касаются, концентрируясь на выполнении сугубо секретарских обязанностей, или может отправляться на все четыре стороны.

Благоразумная секретарша выбрала первое, и Журавская вскоре убедилась, что особа расторопная, умело разруливает любую проблему и находит выход из любой ситуации, даже кажущейся тупиковой.

Татьяна не сомневалась, помощница собирает кое-какую информацию о ней и передает в издательство, однако относилась к такому положению вещей снисходительно. Ведь если бы та этого не делала, то была бы уволена, причем не писательницей, и издателем.

Но представленная особа тоже не знала пароля! К процессу написания романа Татьяна ее не привлекала, а до ноутбука Аллочка не дотрагивалась.

Хотя... Тут детективщица вспомнила, как однажды беседовала с кем-то из издательства, затем, прижав к уху трубку мобильного, прошла из гостиной в кабинет – и увидела там Аллочку, копошившуюся возле лэп-топа. Секретарша тогда ретиво отпрыгнула в сторону и пояснила, что просто хотела стереть пыль со стола. Журавская ей не поверила, а об инциденте вскоре забыла.

Так, может, именно Аллочка заполучила доступ к ее ноутбуку и читала роман?

Писательница, уже прилетевшая в Вену и сейчас сидевшая в баре за чашкой эспрессо в ожидании рейса на Москву, внутренне усмехнулась. Какая же, однако, она – автор двадцати восьми детективных книг, плохая сыщица!

Дело вовсе не в ноутбуке, на котором создавался и хранился роман, а во флешке. Каждый день, написав очередную порцию, она переписывала на нее новую версию своего произведения.

Татьяна даже открыла сумочку и извлекла похожую на изящный ключ серебристого цвета флешку. На этом электронном носителе находились все ее опубликованные двадцать восемь романов. *И незавершенный двадцать девятый.*

Флешку она обычно хранила в ящике стола, который уходя запирала. Или иногда в сейфе. Но зачастую – писательница Татьяна похолодела – *оставляла ее лежать около ноутбука.*

То есть любой и каждый мог взять носитель, быстро переписать информацию и снова положить на место. И она бы ничего не заметила! Ведь даже и подумать не могла о том, что кто-то из домашних пойдет на такое.

То есть из списка подозреваемых никого исключать было нельзя! Ни Игоря, ни Аллочку. Ни, к примеру, экономку и уборщицу Антонину Ивановну, приходившую три раза в неделю, чтобы навести порядок в квартире. Правда, женщина не производила впечатления человека, умеющего обращаться с ноутбуками и флешками, но... но если она получила задание...

В конце концов, переписать роман могли друзья и знакомые, заглядывавшие к ней или к Игорю. Многие из них заходили в кабинет писательницы – конечно, когда та не работала, – восхищаясь и умиляясь тому, что видят стол, за которым сама Татьяна Журавская создала романы об Альбине Дурново.

Стол, на котором, вполне возможно, в тот момент лежала серебристая флешка.

В доме появлялись и важные (или не очень) лица из издательства. Только зачем им красть не дописанный еще роман? И тем более насыпать на одного из своих наиболее популярных авторов психопата-головореза?

Психопат-головорез... В нем и было дело. Детективщица заказала вторую чашку эспрессо и взглянула на часы. До начала посадки на московский рейс оставалось около сорока минут.

Это звучало глупо, это звучало мелодраматично, однако факт оставался фактом: Журавская не сомневалась, что столкнулась в своей квартире и затем в клинике профессора Шахта не просто с психопатом-головорезом, а...

Писательница даже оглянулась, боясь, что находившиеся вокруг люди каким-то непостижимым образом прочтут ее мысли и ужаснутся им. Или, чего доброго, начнут хохотать, держась за животы и указывая на нее пальцами.

Однако никто решительно не собирался ужасаться или хохотать. Только молодая мулатка-барменша, встретив ее взгляд, приветливо улыбнулась, демонстрируя белоснежные зубы. Да еще рыжеволосый мальчишка в разноцветном свитере показал ей язык. А мамаша озорника, заметив это, сконфуженно улыбнулась и развела руками.

Татьяна отвернулась и вздохнула.

В том-то все и дело! Вот почему она не сомневалась, что убийца – мужчина. К тому же прекрасный актер, умеющий имитировать всех и вся, в том числе и женщин. И почему, собственно, была уверена, что это именно убийца.

Потому что тот, кто преследовал ее, *был Татьяне отлично знаком*. И знаком лучше, чем кому бы то ни было на свете. А если точнее – только ей самой.

Ее сталкер был маньяком из последнего, недописанного романа писательницы Журавской!

Да-да, тем самым маньяком, что убивал молодых женщин, оставляя в их домах кровавые надписи. И уносил с собой внутренние органы жертв по преимуществу печень и почки, но иногда легкие и даже сердце. А все для того, чтобы приготовить пир горой для своей больной и капризной мамочки, которая и сделала из сына убийцу, подбивая собственное чадо на ужасающие деяния и поощряя очередную сатанинскую жестокость.

Татьяна знала, что звучит это абсурдно, что это похоже на бред сумасшедшей. Но таковой она, несмотря на легкую депрессию и небольшое эмоциональное расстройство, последствия расставания с мужем, уж точно не была.

Еще тогда, на лестнице, в крошечной тьме, находясь почти лицом к лицу со сталкером, хотя и не видя его лица, писательница вдруг отчего-то подумала: а ведь именно так и поступил бы ее маньяк, если бы вдруг сошел со страниц романа и стал из плоти и крови.

Собственно, он и был человеком, только – абсолютным злодеем. И лишь в мире ее незавершенного романа. А литературные герои, даже созданные подлинными гениями, мастерами слова и стиля, не имеют обыкновения переходить из зыбкого мира фантазии в реальный мир.

Татьяна рассмеялась и вдруг ощутила желание закурить. А ведь бросила уже давно – когда познакомилась с Игорем. Тот сам не курил и откровенно заявил, что если чего и не сможет терпеть в женщине, так это того, чтобы его избранница курила.

Никаких особых мучений и ломки Журавская не испытывала, хотя, говорят, бросить курить еще сложнее, чем завязать с алкоголем или слезть с иглы. Все получилось просто: вчера она курила, а сегодня уже нет. И не тянуло. Видимо, такова была целительная сила ее любви к Игорю.

Любви, которая закончилась так трагически...

Барменша, словно прочитав мысли Татьяны, указала глазами на прозрачную будку, в которой находились курильщики, отгороженные от всего остального человечества и словно плававшие в лазуритовых волнах густого сигаретного дыма.

Переборов странное желание, Татьяна приказала себе думать логически. Конечно, было бы великолепно, если бы в реальный мир вдруг вошли Ромео и Джульетта, Пьер Безухов или, скажем, Вильгельм Баскервильский. Но настоящей жутью можно было бы назвать телепортацию из книг подлого Яго, педофила Гумберта Гумберта или любителя человечинки доктора Ганнибала Лектора.

Последний, наверное, решил бы свести счеты с ней, Татьяной Журавской, за то, что писательница воспользовалась его образом, придумывая своего маньяка-людоеда.

Так, может, и в самом деле к ней пришел Ганнибал Лектор, чтобы предъявить права на российского «коллегу», обитающего на страницах ее нового романа?

Или – если портал из мира книжных героев в нашу вселенную существует – на встречу с автором заявился сам маньяк-людоед, которому дала имя Марк Шатыйло? Пожелал, скажем, свести с ней, со своей литературной матерью, счеты. За что? За то, что именно автор романа, а не ехидная и безжалостная матушка убийцы в книге, превратила его в зверя, изувера. Ибо и матушка, и сам Марк были плодом воображения одного-единственного человека – Татьяны Журавской.

Писательница снова улыбнулась – все же фантастика не ее жанр. Хотя то, что сейчас пришло в голову, даже не фантастика, а фантазмагория. Но все, что в последнее время происходит с ней, тоже похоже на фантазмагорию. Тем не менее это реальность.

Нет, следовало думать рационально и логически. И третий эспрессо чрезвычайно помог процессу установления истины. Вернее, одного из ее возможных вариантов.

А рациональный и логический вариант, отмечающий мистику и психические выверты, был только один: *у известной детективщицы Татьяны Журавской есть лютый враг.*

Враг, который является одновременно сталкером. То ли враг действует по чьему-то наущению и прямому заказу, то ли сам по себе.

И этот враг каким-то образом получил доступ к ее новому роману. Значит, еще и ее поклонник. Что ж, не такое уж редкое явление, когда фанат, боготворящий певца, актера или, как в данном случае, писательницу, вдруг начинает разрабатывать зловещие планы, в центре которых находится объект его обожания.

Занятно, но тему преследования известной писательницы неведомым, способным на самое ужасное поклонником она уже развила в одном из своих романов. Книга называлась «Смерть черного носорога». И вот теперь сама стала жертвой сталкера.

Просто случайность? *Или кто-то старательно пытается воплотить в жизнь ее собственные литературные произведения?*

Как и когда враг получил доступ к роману, еще предстояло узнать. Но мало того, что он прочел новую, еще не завершенную писательницей вещь, так ведь еще и избрал ее сюжет в качестве руководства к действию.

Для того, чтобы открыть сезон охоты на нее, Татьяну Журавскую, создательницу данного произведения.

Отчего так получилось, мог сказать только опытный психиатр.

И прежде всего враг решил запугать автора романа, во всем копируя стиль убийств маньяка Марка Шатыло, существующего исключительно на страницах незавершенной книги.

Но что это в итоге означает?

Татьяна услышала, что объявляется посадка на московский рейс. Как же незаметно пролетело время!

Детективщица встала из-за стойки бара и раскрыла сумочку, чтобы еще раз убедиться – серебристая флешка, на которой находится текст, лежит в кармашке. Взгляд ее упал на мобильный телефон.

Она не включала его с тех пор, как покинула Москву. И дала себе зарок, что не сделает этого, пока не вернется в столицу. Однако, поддавшись внезапному импульсу, взяла его в руки. И убедилась, что на автоответчике скопилось порядка двух десятков голосовых сообщений и несколько эсмэсок. В том числе масса от Аллочки, пара от издательства.

И ни одного звонка или послания от Игоря. Впрочем, у него теперь есть «зайка»...

Татьяна намеревалась снова выключить телефон, как тот вдруг завибрировал. На дисплее высветилось имя генерального директора издательского холдинга.

Журавская несколько мгновений колебалась – отвечать на вызов или нет. Однако такой человек по пустякам не звонит.

– Слушаю вас, Михаил Львович! – произнесла она, принимая звонок.

– Добрый вечер, Татьяна Валерьевна! – донесся до нее приятный баритон. – Рад, что сумел вас застать. А то мне сообщили, что с вами в последние недели невозможно связаться...

– Что неудивительно, ибо я нахожусь в отпуске, – холодно произнесла писательница. – И предпочитаю, чтобы на отдыхе меня не тревожили.

Генеральный директор, кажется, усмехнулся и продолжил:

– Не хотел нарушать ваши итальянские каникулы, однако для составления графика выхода книг мы хотели бы знать, когда именно вы предоставите свое новое произведение.

Настал черед Татьяны усмехнуться. Где это видано, чтобы генеральный директор целого холдинга звонил и спрашивал автора о сроке сдачи романа? Для этого же имеются главные, подглавные, менее главные и совсем даже не главные редакторы. А также референты, ассистенты, секретарши и т. д. и т. п.

Конечно же, дело не в графике – у нее, Татьяны Журавской, был свой собственный, индивидуальный график. Просто руководство издательского холдинга, кажется, забило тревогу, узнав о том, что знаменитая писательница просто исчезла на несколько недель с горизонта, а о судьбе ее очередного произведения ничего не известно.

Вероятно, панику развела Аллочка, которая до недавних времен наверняка докладывала о том, что «объект заперся в кабинете и работает над романом». А затем «объект» просто испарился, причем не взяв с собой ноутбука. Теперь Татьяна не исключала, что секретарша, особа весьма пронырливая, имела доступ и к сейфу. Убедившись в том, что «объект» покинул Москву без орудия своего литературного труда, помощница забила во все колокола. Ведь отсутствие писательницы на рабочем месте и, наоборот, присутствие компьютера означало: «объект» снова не придерживается договоренностей, «объект» сибаритствует, вместо того чтобы вкалывать, «объект» заставляет читателей ждать и лишает прибыли издательский холдинг. «Объект», не исключено, окончательно исписался и не в состоянии выдавить из себя ни строчки!

Если «объект» – мелкий или средней руки писатель, то сие можно пережить. А если это королева детективного жанра, великая и ужасная Татьяна Журавская?

Потому-то и звонит сам генеральный, потому-то и пытается узнать с плохо скрываемой тревогой, как у «великой и ужасной» обстоят дела с новым произведением.

То есть с романом, который вдруг из разряда фантазии перешел в действительность.

– Произведение? – переспросила Татьяна, решив немного помучить Михаила Львовича. – О чем вы, собственно, ведете речь?

Генеральный чуть растерянно кашлянул.

– Татьяна Валерьевна, разрешу себе напомнить, что у нас имеется договор с вами. Договор с финансовой точки более чем выгодный – для вас...

– Неужели? – вставила детективщица.

Генеральный, кажется, начинал уже паниковать.

– И согласно данному договору вы должны предоставить свой новый роман в ближайшие недели. Мы можем исходить из того, что это будет иметь место?

– Нет! – ответила Татьяна.

В трубке воцарилось молчание. А потом полупридушенный голос произнес:

– Татьяна Валерьевна, я правильно вас понял? Вы не намерены придерживаться сроков?

– Не намерена! – подтвердила Татьяна, испытывая невесть откуда взявшуюся злость.

– Очень жаль. Ведь вы – один из наших самых ценных авторов. Авторы, с которыми заключен эксклюзивный, крайне выгодный договор... Мы уже трижды откладывали выход в свет вашего нового романа. И, как генеральный директор подвластного мне издательского холдинга, скажу, что четвертый раз ничего отодвигаться не будет. Нам нужен ваш роман! А вы только что сказали мне, что не в состоянии сдать его в срок...

Голос вибрировал, наливаясь от осознания его обладателя собственной важности.

– Михаил Львович, – перебила Татьяна, – пока вы не пригрозили мне расторжением договора и судебной тяжбой, уточню – да, через несколько недель роман вы не получите. А получите его практически через несколько дней. Ну, может быть, через неделю.

Снова повисла пауза, а затем последовал радостный, но осторожный вопрос генерального:

– Ваш новый роман готов?

– На девяносто пять процентов, – ответила Журавская. – Осталось только свести воедино все нити и написать короткий шокирующий финал. И пару абзацев эпилога.

Михаил Львович шумно вздохнул и произнес:

– Татьяна Валерьевна, я очень рад! Я всегда знал, что вы – выдающийся автор и чуткий человек...

– Только выдающийся автор и чуткий человек считает, что пора пересмотреть эксклюзивные условия эксклюзивного договора, – вновь перебила издателя Татьяна.

Генеральный не стал вести речь о том, что условия и так уникальные, а лишь заметил:

– Если новый роман того заслуживает, то непременно об этом поговорим.

– Заслуживает! – убежденно заявила писательница. И краем глаза увидела, как конец очереди, ожидавшей приглашения на посадку, втягивается в пасть огромной алюминиево-стеклянной анаконды, которая вела к самолету. – Прошу прощения, но теперь, убедившись, что я жива и что роман тоже не агонизирует, вы должны позволить мне сесть на самолет.

– Вы летите в Москву? – встрепенулся генеральный. – Татьяна Валерьевна, ну почему же вы не поставили нас в известность? Мы заберем вас из аэропорта! Непременно заберем!

Спорить было бесполезно, да и времени не оставалось. Узнав, откуда писательница летит и когда прибывает в столицу, генеральный, заверив, что ее встретит лимузин с шофером, пожелал ей доброго пути. А на прощание отеческим тоном (хотя был старше Татьяны всего на пару лет) добавил:

– Ваш новый роман первым в издательстве буду читать я сам!

Татьяна отключила телефон и хихикнула. Видимо, последняя фраза главы холдинга была сопоставима с монаршей милостью. Однако никакого саркастического замечания она себе не позволила – с нее хватит и пересмотра условий договора.

На борт самолета Журавская вошла последней. Опустилась на сиденье в бизнес-классе, отказалась от предложенного шампанского и задумалась.

Потому что писательница возвращалась в Москву, чего кажется, ее враг и добивался.

Только вот зачем?

Это и предстояло узнать. При чем она не отступит до тех пор, пока не выяснит, кто же ее преследует.

И с какой целью.

Ей удалось даже заснуть. Снилось нечто тревожное и непонятное. Татьяна пришла в себя, чувствуя, что у нее ужасно затекла шея, а во рту неприятный металлический привкус. Напряглась и припомнила, что видела во сне австрийского профессора Шахта, который вдруг сделался ее московским психотерапевтом Львом Николаевичем. А затем превратился в блондинку с накладными ресницами и в старомодном платье с рюшами.

Где же она видела такую блондинку? Это образ из какого-нибудь фильма или проекция какой-либо особы, встреченной много лет назад?

Как бы не так!

Пилот объявил, что самолет идет на снижение.

Татьяна вспомнила: блондинка – секретарша профессора Шахта. Та самая, которая охраняла, подобно Церберу, его кабинет в клинике «Хексенмоор». Видела она ее мельком. Та всегда была крайне приветлива, однако более чем парой фраз – «добрый день», «как дела», «до свиданья!» – обменяться с ней не сумели.

Интересно, с чего вдруг приснилась секретарша?

В последний визит Татьяны к профессору блондинки на месте не было. *Но зато она говорила с ней по телефону!*

Журавская задумалась, чувствуя, как заложило уши. За толстенными стеклами иллюминаторов стояла непроглядная тьма.

Да, говорила. Можно сказать, ни о чем. Неужели разговор так запал ей в душу, что во сне секретарша привиделась? Что такого необычного было в их коротком телефонном разговоре?

Лоб Татьяны вдруг покрылся испариной. Как же она раньше не обратила на это внимания! Впрочем, так всегда бывает: на то, что очевидно, никогда не обращаешь внимания. Ей ли, автору детективных романов, не знать эту простую истину.

Просьба секретарши – о том, чтобы уезжающая пациентка прислала профессору Шахту свой новый роман... *Откуда блондинке вообще знать, что фрау Журавски писательница?* Этой информацией обладал только сам профессор, а прочий персонал был на редкость предупредительным, крайне обходительным и, что важнее всего, приученным не задавать лишних вопросов и забывать всю ту информацию, которая случайно становилась известной. В клинике она была просто состоятельной русской – *без профессии*.

И вдруг странная просьба? Причем просьба-напоминание развязная, какая-то панибратская, нагловатая.

В голове словно щелчок раздался, и очередная пластина пазла легла на отведенное ей место, сцепившись с прочими пластинами и создавая причудливый, единственно верный узор.

А кто вообще сказал, что Татьяна разговаривала с секретаршей? Собственно, только сама собеседница!

Да, Татьяна звонила на телефон профессора, ответить должна была секретарша. Но кто гарантирует, что трубку сняла именно блондинка, любительница старомодных платьев?

Вот именно, никто. *На ее месте мог оказаться кто угодно.*

К примеру, Марк Шатыло. Маньяк, отлично подделывавший чужие голоса, акцент, выговор. Маньяк, обладавший заурядной, бесцветной внешностью – и умевший принять любую личину. Маньяк, являвшийся виртуозным имитатором и по совместительству людоедом.

Маньяк, существовавший только на страницах ее нового романа.

Но вне страниц, в реальной жизни, имелся иной маньяк, который, помимо ее самой, автора книги, знал, кто такой Марк Шатыло. Человек, читавший роман о нем и бывший в курсе всех его привычек, манеры поведения – и манеры убийств.

И этот некто, похоже, вообразивший себя Марком Шатыло, тенью следовал за писательницей по миру. И, по всей видимости, даже говорил с ней, *выдавая себя за секретаршу профессора Шахта*.

Но если сталкер говорил с ней вместо блондинки, то что произошло с подлинной секретаршей?

Татьяна вспомнила, что видела, как из кабинета профессора за ней, готовившейся сесть в такси, кто-то наблюдает. И у нее еще тогда мелькнула мысль: *этот некто – не профессор Шахта*.

А что, если интуиция не подвела? *И из кабинета профессора на нее взирал не врач, а Марк Шатыло?* Точнее, больной фанат, сталкер, сумасшедший поклонник, возмнивший себя книжным героем, кровожадным маньяком?

С учетом того, что этот чокнутый проник к ней в квартиру и умудрился добраться до нового романа, он, приложив гораздо меньше усилий, мог оказаться в приемной профессора Шахта. *И сделать с профессором и с его секретаршей все что угодно!*

Только зачем? Разве они ему навредили? В чем-то перед ним провинились?

Похоже, только тем навредили, в том провинились, что были знакомы и общались с ней, с его «объектом» – Татьяной Журавской.

Писательница нервно заерзала на сиденье. Надо срочно связаться с профессором Шахтом и узнать, все ли с ним в порядке, не произошло ли чего дурного с его секретаршей! Потому что если некто вообразил себя Марком Шатыло, то сие означает: этот субъект готов на все.

Буквально на все.

На самое гадкое, кровавое, ужасное убийство.

Татьяна неожиданно подумала: не сочини она образ Марка Шатылло вкупе с его психованной мамочкой, ничего бы и не приключилось. Но нет, так думать нельзя, автор книги не несет ответственности за расшатанную психику и большие фантазии каких-то своих читателей-поклонников.

Кроме того, если у человека проблемы с головой, он мог вообразить себя любым другим героем ее романов – иным преступником, иным маньяком, каковых в произведениях Татьяны Журавской предостаточно. Но Марк Шатылло, вне всяких сомнений, наиболее колоритный образ.

Отчего зло зачастую привлекательнее добра? Не потому ли, что человек смотрит на зло, как в бездонный колодец, видя собственное, искаженное отражение на тихой, маслянистой поверхности... И понимает, что в действительности смотрится в зеркало...

Самолет неожиданно затрясло. Освещение вдруг погасло, остались лишь аварийные огни. Раздались испуганные крики пассажиров. Татьяна вцепилась в подлокотники, видя, как по иллюминатору стегают серебристые нити ливня.

Кажется, они угодили в грозу. Будет забавно, если лайнер сейчас упадет – и вместе с ней исчезнет и новый роман. Хотя его-то рано или поздно найдут на жестком диске ноутбука, лежащего в сейфе.

Только роман будет без финала. Так же, как и ее жизнь. Татьяна не узнает, кто ее преследует и почему.

Однако самолет совершил на удивление мягкую посадку – и аплодисментам пассажиров не было конца.

Журавская выскользнула из салона первой и, не пройдя еще пограничного контроля, зарулила в туалет и там включила мобильный. За прошедшие часы ей никто не звонил. Она набрала номер австрийской клиники. Когда на другом конце откликнулся женский голос, Татьяна представилась и попросила соединить ее с профессором Шахтом.

Работница клиники замялась, попросила подождать. Писательница, запершись в кабинке, услышала, как в туалет кто-то вошел. Раздались шаги – тихие, осторожные. *Показавшиеся такими знакомыми.*

Точно так звучали шаги Марка Шатылло – вернее, того психа, который, вообразив себя героем ее книги, пробрался к ней в квартиру.

Татьяне вдруг стало ужасно страшно, руки мгновенно вспотели. Как маньяк мог пробраться в зону прилета? Он что, работник миграционной службы? Или таможни? Или, быть может, аэропорта?

Но кто сказал, что сталкер проник сюда каким-то замысловатым, сложным образом? *Ведь элементарно мог прилететь в Москву вместе с ней!*

Мысль о том, что человек, преследовавший ее, находился в одном с ней самолете, еще больше напугала Татьяну. Всех пассажиров она, конечно же, не видела, но те, на кого обратила внимание, произвели впечатление вполне нормальных, вменяемых граждан. Не было среди них подозрительного типа – подозрительного своей невзрачностью и заурядностью. Ведь если сталкер косит под Марка Шатылло, то он должен выглядеть именно невзрачным, заурядным.

Ручка кабинки, в которой заперлась Татьяна, плавно пошла вниз. Журавская, почувствовав, что вот-вот грохнется в обморок, осторожно сползла по стенке, присев на корточки.

И заметила в щель под дверцей ярко-красные туфли на высоких каблуках, ноги в ажурных черных колготках. Туалет ведь был женский, поэтому следом за писательницей в него вошла, естественно, женщина.

Или тот, кто женщиной прикидывался.

Татьяна вспомнила сцену из последнего романа: в самом начале эффектная брюнетка вдруг кидается на свою попутчицу – и та, пытаясь (впрочем, безрезультатно) спастись, вцепляется в волосы противницы, которые оказываются париком, *и вдруг понимает, что на ее жизнь покушается не женщина, а переодетый мужчина.*

Ручка задержалась, кто-то изо всех сил ломился в кабинку. А ведь обычному человеку сразу бы стало понятно, что та занята.

Но дело было в том, что Татьяна столкнулась не с обычным человеком, а с клоном выдуманного ею Марка Шатыйло.

– Здесь занято, – еле шевеля сухими губами пробормотала она.

Как будто короткое словцо, подобно магической формуле, могло отпугнуть исчадие ада, находившееся за тонкой створкой...

– Оставьте меня в покое! – не выдержав, крикнула Журавская, видя, как ручка продолжает дергаться. – Прошу вас, уйдите! Ну, пожалуйста, Марк!

Она сама поразилась тому, что назвала преследователя именем своего книжного злодея.

И, о чудо, это оказало воздействие. Ручка резко ушла вверх, дверца перестала трястись. Раздались цокающие шаги – тот, кто в красных туфлях с высокими каблуками зашел в дамский туалет, удалился.

Татьяна услышала женские голоса – в туалете оказались говорливая мамаша с дочерью-подростком.

Так почему Марк скрылся? Писательница уже свыклась с тем, что называет неизвестного в ее рассуждениях Марком Шатыйло. Смутился, услышав свое имя? Точнее, имя, которое он себе взял? Сбежал, потому что его спугнуло появление мамы с дочкой?

Или она просто напридумывала себе невесть что, и дамой в красных туфлях на высоком каблуке была иностранка, не понимавшая того, что говорила ей по-русски Татьяна? Хотя надо было быть на редкость нерасторопной иностранкой, чтобы не осознать, что кабинка занята.

Или...

Или Марк просто передал ей... привет? И вполне вероятно, что он не упустил возможности, приняв женский облик, лететь одним рейсом вместе со своим «объектом».

– Фрау Журавски! – услышала Татьяна в трубке мужской голос, говоривший по-немецки с явным австрийским акцентом.

Детективщица вздрогнула: она ведь уже забыла, что работница клиники попросила ее подождать.

Только это был не профессор Шахт, что собеседник тотчас подтвердил:

– У аппарата главный инспектор уголовной полиции города Брегенца Уве Штрайл.

В соседней кабинке зашумела вода, сливаясь в унитазе, и Татьяна, прижав мобильник к уху, произнесла по-немецки чуть громче:

– Но я хотела побеседовать с профессором Шахтом!

– Сожалею, фрау Журавски, но в данный момент это невозможно, – отчеканил инспектор. – Могу ли я узнать, отчего вы желаете поговорить с герром профессором?

Татьяна поднялась наконец на ноги, затем уселась на крышку унитаза и, отметя мысль о том, что препирательство в туалете с австрийским полицейским чином – верх фантазмагии, ответила:

– А могу ли я узнать, отчего невозможно побеседовать с профессором? И почему именно вы находитесь у аппарата?

Инспектор замялся, а у Татьяны вдруг мелькнула ужасная мысль – *что, если она снова говорит с Марком?* Нет, это полностью исключено. Ведь звонила в клинику, и если сталкер только что был в дамском туалете, то никак не мог оказаться минутой позднее в Австрии.

Или чокнутый имитатор каким-то хитрым образом запрограммировал ее телефон так, чтобы все звонки шли ему на мобильный?

Эту мысль Журавская тоже отмела – немецкий писательница знала вполне сносно и была в состоянии отличить носителя языка даже от хорошего имитатора. Главный инспектор говорил по-немецки как заправский австрияк, подделать подобный акцент практически невозможно. Во всяком случае, для иностранца. Нет, это не был фейковый полицейский!

Хотя кто сказал, что *ее преследователь тоже не говорит на немецком*, как на родном, к тому же и с австрийским акцентом? Ведь Марк в ее романе был полиглотом – и владел немецким, как русским: его бабка была поволжской немкой...

– Я собиралась сказать профессору, что прилетела в Москву, и поблагодарить его за курс лечения, – заявила Татьяна. – Я не смогла проститься с ним перед отъездом, поэтому звоню теперь. Разве это преступление?

Мамаша с дочкой из туалета удалились, причем возмущаясь тем, что какая-то нахальная немка закрылась в кабинке и внаглую, не обращая внимания на нужды российского населения, беспардонно шпрехает по мобиле. Хлопнула дверь, Татьяна снова осталась в помещении одна.

– Нет, фрау Журавски, конечно же, это не преступление, – ответил инспектор. – Я рад, что могу побеседовать с вами, потому что это облегчает нам расследование...

– Расследование? – выдохнула писательница. – Что-то случилось?

В этот момент снова раздался звук открываемой двери, и раздались шаги. Татьяна оцепенела – *это были шаги особы в красных туфлях на высоких каблуках*.

Но если мнимая женщина – Марк, то, следовательно, инспектор – подлинный. Потому что сталкер не способен одновременно находиться в туалете московского аэропорта и молчать, а в то же время говорить с ней по-немецки.

– Увы, именно так, – подтвердил предположение собеседницы инспектор. – С прискорбием сообщая вам, что герр профессор Шахт стал жертвой убийства.

– Его убили? Как, где, когда? И кто? – прошептала Татьяна. Ей не хотелось, чтобы тот, кто оказался сейчас в туалете, услышал, о чем она говорит.

Шаги стихли, но вошедший в помещение по-прежнему находился где-то невдалеке.

– Что вы сказали, фрау Журавски? – переспросил инспектор. – К сожалению, не расслышал вас. Не могли бы вы говорить громче?

Татьяна, дрожа от страха, повторила свои вопросы чуть громче.

– Убийца пока не идентифицирован, – ответил австриец, – и мы надеемся, что вы можете нам поймать его. Потому что именно вы, фрау Журавски, были последней, кто, судя по показаниям свидетелей, видел герра профессора живым.

Татьяна судорожно слотнула, пялясь на ручку двери. Но та не двигалась. Похоже, тот, кто притаился рядом, переменял тактику.

– Как его убили? – задала следующий вопрос писательница. Инспектор пояснил:

– Убийство крайне жестокое и кровавое. Большого сообщить вам не имею права. Однако за двадцать пять лет, которые я работаю в полиции, такого кошмара мне видеть не приходилось. Тут словно Джек Потрошитель поработал!

Джек Потрошитель... Он же Марк Шатыйло! Маньяк из ее романа! Убийца, у которого было прозвище Московский Джек Потрошитель!

– Мы уже намеревались обращаться к российским властям с просьбой о помощи для того, чтобы получить от вас свидетельские показания, фрау Журавски. Но процедура может длиться долго, поэтому буду признателен, если вы поведаете мне прямо сейчас, как прошла ваша последняя встреча с профессором.

Татьяна собралась с духом и кратко обрисовала беседу с владельцем клиники, впрочем, не заостряя внимания на том, о чем они говорили.

– Что-либо подозрительное бросилось вам в глаза? – поинтересовался полицейский.

Тогда детективщица, поколебавшись, рассказала, что видела перед тем, как сесть в такси. Еще о своем телефонном разговоре с секретаршей, добавив, что, может быть, это была вовсе и не секретарша.

Едва она произнесла последние слова, в туалете снова раздались шаги. А затем послышался звук открываемой двери.

Особа в красных туфлях на высоких каблуках ушла? *Или только сделала вид, что удалилась, а в действительности Марк остался в дамской комнате?*

– Что значит «это была вовсе не секретарша»? – переспросил инспектор.

Татьяна стусевалась и ответила:

– Вам лучше узнать у нее самой. И она вам скажет, имел место разговор со мной или нет. На что Уве Штрайл мрачно заметил:

– Увы, это невозможно. Потому что фрау Зиглинда Цепик, работавшая в течение последних семнадцати лет у герра профессора Шахта, тоже мертва. Женщина, как и ее патрон, стала жертвой неизвестного убийцы-садиста.

Татьяна окаменела. А потом у нее вырвалось:

– Значит, это все же Марк...

– Марк? – оживился инспектор. – Фрау Журавски, о каком таком Марке вы ведете речь? Вам что-то известно?

Татьяна заверила его, что собеседник не так ее понял, но полицейский не желала сдаваться:

– Вам что-то известно, ведь так? И кстати, ваш рассказ о том, что имело место во время вашей последней беседы с профессором, кажется мне недостоверным. Вы что-то утаиваете!

Конечно, писательница утаивала. Причем многое. Но не говорить же австрийскому инспектору, что она считает: убийца черпает вдохновение в ее новом, никому не известном романе!

Никому не известном, кроме нее самой – и Марка.

– Я не утаиваю! И вообще не могу больше с вами говорить, мне пора! – заявила Татьяна.

Полицейский затарахтел о том, что у него к ней масса вопросов, что он подключит Интерпол, но детективщица сухо попрощалась, пожелала ему удачи в расследовании и нажала на отбой.

Спустя несколько секунд телефон зазвонил, высветился австрийский номер, но Татьяна сбросила звонок. А потом вздохнула и отперла дверку.

Выйдя из кабинки, прежде всего убедилась, что никого в туалете нет, и, повеселев, направилась к выходу. А оказавшись в помещении с умывальниками и большим, во всю стену, зеркалом, застыла как вкопанная.

На стеклянной поверхности краснела кровавая надпись: *«Добро пожаловать домой!»*

Тот же самый почерк. Те же самые буквы.

Татьяна уставилась на тюбик помады, брошенный на столешнице возле одного из ручейников. Подошла и посмотрела на него. И поняла, что это *ее* помада. Такой яркой писательница пользовалась редко, но на всякий случай тюбик с незапамятных времен валялся в сумочке. Той самой, которая находилась у нее в руках. Лежал, там в кармашке, когда она покинула клинику. И когда пила эспрессо в баре в аэропорту Вены, то же.

А теперь – на краю ручейника.

Что означало: кто-то украл у нее тюбик в аэропорту Вены, пока Татьяна пила одну за другой чашку эспрессо, а сумочка лежала на соседнем табурете. Или во время перелета из Вены в Москву.

И тут в голову Журавской пришла неожиданная мысль. Марк ведь мог быть не пассажиром, а членом экипажа! Например, пилотом. Стюардом. Или даже стюардессой.

Татьяна схватила тубик – и тут же быстро положила его обратно на рукомоЙник. Сообразив, что на золотистой поверхности колпачка остались ее отпечатки, вытащила из сумочки салфетку и стала вытирать тубик. Тот, конечно же, выскочил у нее из рук и упал на пол.

Подняв его, она столкнулась лицом к лицу с пожилой дамой в мехах, только что вошедшей в туалет. Женщина уставилась на помаду в руках Татьяны, затем перевела взгляд на испи-санное зеркало. Выщипанные брови дамы взлетели, тонкие сухие губы презрительно изогну-лись.

– Поверьте, это не я! – воскликнула Татьяна и, бросив тубик в раковину, вылетела из туалета.

Итак, Марк где-то поблизости... Только в каком обличье?

Внезапно подумалось, что дама в мехах, только что вошедшая в дамский туалет, выгля-дела крайне подозрительно. Подозрительна она была тем, что именно такой писательница пред-ставляла себе мамашу Марка Шатыло, когда работала над новым романом. Неужели это снова был стремительно переодевшийся в новый костюм маньяк?

Татьяна быстро зашагала к будкам пограничного контроля. Нет, исключено! У него что тут, в зале ожидания, целая гардеробная? Ее Марк Шатыло был чертовски изобретателен, но не до такой же степени!

Или до такой?

Поборов в себе желание вернуться в дамский туалет и вцепиться даме в мехах в седые волосы, дабы проверить, не парик ли это, Татьяна подошла к окну, за которым сидела молодая пограничница, и подала свой паспорт.

Наконец она оказалась около лент транспортера, на которых крутился багаж пассажиров австрийского рейса. Собственно, на нем остались только два ее собственных чемодана – все другие люди, прилетевшие из Вены, покинули аэропорт.

Или не все?

Раздался звонок мобильного, Татьяна осторожно поднесла его к уху.

– Татьяна Валерьевна, добрый вечер, меня зовут Павел, я шофер издательства. Михаил Львович попросил забрать вас, – донесся до нее приятный голос молодого мужчины.

Ну конечно, эскорт для знаменитой писательницы, как можно было забыть об этом! А если бы во время телефонного разговора она сообщила генеральному директору холдинга, что романа нет и не предвидится? Кого бы тот послал тогда встречать ее? Группу киллеров с огнеметами?

Впрочем, ей хватало одного киллера, самого настоящего, того, который преследовал ее. То, что этот подражатель Марка Шатыло был убийцей, сомнений не имелось. На его совести профессор Шахт и его несчастная секретарша.

Но почему мерзавец убил их? В чем австрийцы-то провинились? Если псих зациклился на писательнице, Татьяне Журавской, пусть только за ней и охотится. Но зачем гробить, причем изуверски, всех, с кем она имеет дело?

Но, похоже, у Марка есть план. Который предусматривал уничтожение тех, кто ее окру-жает. А финальным аккордом, Татьяна уже не сомневалась, должна стать ее собственная смерть.

Однако сталкер допустил ошибку. Потому что все же она не обычная женщина, а коро-лева детективного жанра Татьяна Журавская. И сдаваться ему на милость не намеревается. Она найдет и разоблачит маньяка-имитатора, вообразившего себя злодеем из ее нового романа, чего бы ей это ни стоило!

Полная решимости, Татьяна, везя за собой два чемодана на колесиках, вышла в зону прилета. В глаза ей бросились встречающие, а также масса таксистов, предлагавших добраться до столицы «по приемлемой цене».

Писательница присмотрелась, пытаясь найти глазами того самого Павла, которому было поручено встретить ее. Все же быть знаменитой литераторшей не так уж и плохо! И то, что ее встречал шофер издательства, а не болтливая и неумная Аллочка, тоже было только плюсом – говорить о своем «отпуске в Тоскане» Татьяне не хотелось.

Она заметила темную униформу и фуражку, надвинутую на молодое бритое лицо. Руки в перчатках держали изящную табличку с надписью: «Т.В. Журавская, рейс из Вены».

– Еще раз добрый вечер. Я есть та самая Т.В. Журавская рейсом из Вены, – улыбнулась писательница, подходя к шоферу.

Тот, спрятав табличку, прошелестел:

– Очень рад с вами познакомиться, Татьяна Валерьевна! Разрешите помочь с багажом?

Он деловито взял за ручки два ее чемодана и добавил:

– Автомобиль припаркован на стоянке. Михаил Львович передает вам большой привет.

А также то, что он с нетерпением жаждет стать первым читателем вашего нового романа.

Татьяна скупно улыбнулась – ну как же, как же, монаршая милость генерального директора издательского холдинга...

Они двинулись в сторону выхода. На улице давно стемнело и все еще лил дождь. Павел раскрыл и протянул спутнице большой черный зонт, который предусмотрительно прихватил с собой.

– Прошу вас, сюда! – произнес он, указывая путь. – Могу ли я поинтересоваться, как прошел ваш отпуск?

Как прошел ее отпуск? Хм, какой же дать ответ? Стандартный *и* *насквозь лживый* – «Спасибо, все было просто отлично, отдохнула и душой, и телом»? Или правдивый, *ужасный*: «Меня преследует маньяк, вообразивший себя героем моего последнего романа и который уже убил как минимум двух человек, а теперь, вполне вероятно, жаждет разделаться со мной»?

– Было очень познавательно, – сказала Татьяна уклончиво, опасаясь, как бы шофер Павел не стал развивать тему отдыха.

Однако тот был, похоже, отлично вышколен. Поэтому удовлетворившись всего одним вежливым вопросом, прекратил вымученный *small talk*. За что писательница была ему благодарна.

Они оказались около тонированного автомобиля представительского класса – разумеется, немецкого производства.

Павел распахнул заднюю дверцу, Татьяна скользнула на мягкое кожаное сиденье лимузина. Шофер уложил чемоданы в багажник и уселся за руль. Журавская отметила бутылку шампанского, а также небольшую корзинку со снедью, находившуюся на сиденье. Так-так, издательство весьма предусмотрительно... Еще бы, ведь ему срочно требовался ее новый роман!

– Куда прикажете вас отвезти? – осведомился Павел.

– Домой, пожалуйста!

Домой... На квартиру, куда уже однажды пробрался Марк... Да, сталкер уже стал для нее Марком Шатыйло, хотя в действительности, вне всяких сомнений, звался иначе. Однако для нее он был именно Марк.

– Разумеется, Татьяна Валерьевна! – ответил шофер. – Если не возражаете, я подниму перегородку...

Писательница коротко согласилась и откинулась на спинку кожаного сиденья. Вот она и дома. Только что ее поджидает здесь? Ведь кошмар не закончился! Похоже, кошмар только начинается...

Автомобиль тронулся в путь. Пассажирка протянула руку к корзинке со снедью, и вдруг из динамиков раздался голос шофера:

– Прошу прощения, Татьяна Валерьевна, однако вам точно понравилось в клинике «Хексенмоор?»

Журавская растерялась – вопрос был уж слишком прямой и нетактичный. А потом ее словно стрелой пронзило – *ведь никто в издательстве не был в курсе того, что она находилась в альпийской клинике!* По официальной версии знаменитая детективщица отдыхала в Тоскане и только на последние пару дней заехала в Вену, откуда вернулась в Москву.

Так откуда же шофер в курсе про клинику? Хотя...

Следующая мысль показалась ей совсем даже не абсурдной, а более того – абсолютно нормальной.

Кто ей сказал, что за рулем автомобиля сейчас находится шофер издательства?

О встрече в аэропорту ей сообщил Михаил Львович. И Татьяна не сомневалась, что говорила именно с генеральным, а не с кем-то, имитировавшим его голос. Но ведь шофера она в лицо не знала! Павел позвонил, а потом ей на глаза попался человек в униформе и с табличкой в руках, на которой было написано ее имя. И, ничего не подозревая, Журавская пошла за ним. Хотя переодеться в униформу и сделать табличку с именем мог любой и каждый.

В том числе и Марк Шатыйло.

Автомобиль несся по ночной трассе. Татьяна осторожно достала из сумочки мобильный – и убедилась в том, что сигнала в автомобиле нет. Затем дотронулась до двери и попыталась приоткрыть ее. Безрезультатно – замок был заблокирован. А от шофера издательства, точнее, от человека, который представился таковым и находился за рулем, ее отделяла непрозрачная и, вероятно даже, пуленепробиваемая загородка.

Татьяна нащупала сбоку кнопку, при помощи которой тот, кто сидел в салоне, мог убрать перегородку. Но та упорно не желала двигаться с места. Вывод один: тот, кто вел автомобиль, заблокировал не только двери, но и ее!

Значит, она в ловушке. И, что ужаснее всего, в полной власти человека, который находится за рулем. И который, как теперь ясно, является серийным убийцей, *Марком Шатыйло, похитившим известную писательницу у всех на глазах в здании аэропорта и при ее собственном активном участии.*

Понимая, что надо что-то сказать, дабы не вызвать у похитителя подозрений, Татьяна произнесла:

– Вы ведь новенький? Я раньше вас не видела...

– Мы все в каком-то смысле новенькие, Татьяна Валерьевна. Ведь так? – раздался из динамиков голос шофера.

Хотя нет, это был уже не голос Павла. Во всяком случае, не тот, который она слышала несколькими минутами раньше.

Это был насмешливый, чуть шепелявый, властный голос незнакомого мужчины.

Хотя почему незнакомого? Именно такой голос должен был быть у Марка Шатыйло. Таким она описывала его в своем романе!

Журавская молчала, не зная, что сказать.

Не исключено, что в салоне установлены камеры, и похититель наблюдал за тем, что пленница делает. Однако Татьяна все равно попыталась позвонить с мобильного в полицию. Только вот что сообщить ответившему оператору – что ее похитил герой собственного романа и везет в неизвестном направлении на автомобиле, номера которого она, конечно же, не знает?

Однако звонок не прошел. И как только соответствующее сообщение высветилось на экране мобильного, в динамиках раздался голос шофера.

Точнее, конечно же, голос Марка Шатыйло.

– На вашем месте, Татьяна Валерьевна, я не стал бы этого делать. Как и не стал бы пытаться открыть на полном ходу дверцу. Или опустить перегородку. Все равно не получится!

Значит, злодей наблюдал за тем, что попавшая в западню писательница делает...

Татьяна спрятала мобильный в сумочку и произнесла ровным тоном, не желая, чтобы похититель понял, как она напугана:

– Добрый вечер, Марк! Впрочем, мы ведь с вами уже встречались сегодня. Ведь так?

Похититель ничего не ответил. Наверняка ей удалось ошарашить его. Что ж, в подобной ситуации важнее всего перехватить инициативу и – заболтать преступника. А потом придумать, как выбраться из нее. В данном случае – как выбраться из несущегося по трассе автомобиля с заблокированными дверцами.

– А именно в клинике «Хексенмоор». – Татьяна знала, что надо действовать напролом. – Вы смотрели на меня, когда я садилась в такси. А потом беседовали со мной от имени секретарши профессора. Женщина была к тому времени уже мертва?

В динамиках раздался смешок. Точнее, некое подобие хрюканья – именно такой циничный звук издавал в похожих ситуациях и Марк Шатыйло. Похититель копировал героя ее романа во всем. Или в самом деле считал, что является Марком Шатыйло?

Или он и был Марком Шатыйло?

– Бедная Зиглинда... – произнес голос с напускной скорбью. – Убивать ее было так приятно! А потом выпотрошить. Кстати, я прихватил кое-какие внутренние органы, удалось-таки переправить через границу при помощи простейшего трюка. Хотите знать, что я вырезал? Кстати, некоторые из них лежат в корзинке рядом с вами. Вам надо всего лишь протянуть руку и открыть коробочку.

Татьяна почувствовала тошноту и отодвинулась от корзины, в которой, оказывается, находился вовсе не провиант, а лежали части человеческого тела. Реальный Марк Шатыйло ничем не отличался от Марка Шатыйло выдуманного. И хуже всего было то, что выдумала его она, писательница Журавская!

– Зачем вы убили секретаршу? Зачем лишили жизни профессора? – спросила Татьяна, надеясь, что похититель не заметит дрожи в ее голосе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.